

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Магистерская программа
«Современные технологии языкового воздействия»

КОЗЛОВА Виктория Игоревна

**РЕЧЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-
ПОНЯТИЙНЫХ ТИПАХ ПРОПОЗИЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТРА ЭКСПЕРТИЗ СПбГУ).**

Диссертация
на соискание степени магистра
по направлению 45.04.02 «Прикладная и экспериментальная лингвистика»

Научный руководитель –
Доктор филологических наук
С.А. Кузнецов.

Студент:

Научный руководитель:

Работа представлена на кафедру

“ ___ ” _____ 2016 г.

Заведующий кафедрой:

Санкт-Петербург
2016

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И ЕЕ АНАЛИЗ.....	8
1.1 Функционально-прагматическое содержание высказывания.....	8
1.2 Используемые виды анализа текста и их последовательность.....	30
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЕ ТИПЫ ПРОПОЗИЦИЙ..	40
2.1 Факт.....	40
2.2 Мнение.....	44
2.3 Оценка.....	53
2.4 Волеизъявление.....	58
ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	60
3.1 Анализ текста, содержащего оценки лиц по признаку национальности	61
3.2 Анализ текста, содержащего оценки лиц по признаку отношения к религии.....	66
3.3 Анализ текста, содержащего оценки лиц по признаку принадлежности к социальной группе.....	79
3.4 Анализ текста, содержащего признаки порочащей информации.....	80
3.5 Анализ текста, содержащего признаки сведений клеветнического характера.....	84
3.6 Анализ текста, содержащего оценку лица в форме оскорбления.....	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	96
Список использованных источников и литературы.....	97

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистическая экспертиза текста является одним из видов прикладного языкознания, которое в последние годы все чаще используется в судебном производстве. Целью этих исследований является выявление признаков противоправных речевых действий. Это касается дел об оскорблении, обнародовании сведений порочащего и клеветнического характера, распространении экстремистских материалов различной направленности. Работа с такими материалами – дело экспертов-лингвистов, в чьи обязанности входит представить суду обоснованное заключение о наличии или отсутствии в тексте высказываний, содержащих признаки вербальных правонарушений.

В течение последних 20 лет российское законодательство в сфере борьбы с экстремистской деятельностью постоянно расширяется и уточняется. Все чаще в сфере общественного внимания оказываются судебные дела, связанные с распространением незаконных информационных материалов. События внешней и внутренней политики, общественные потрясения – вся эта информация отражается в сознании человека, интерпретируется и вызывает эмоциональную реакцию. Все больше людей пользуются сетью Интернет и получают возможность практической реализации своего права на свободу мысли и свободу слова.

Однако предоставление конституционных гарантий свободы информации и свободы слова должно быть согласовано с требованиями общественной безопасности. Необходимость её обеспечения вызвана ростом информационно-технологических возможностей для манипулятивных воздействий¹ на сознание человека в общественно опасных, противоправных целях. Возможность беспрепятственного выражения своих мнений и

¹Манипулятивные приемы аргументации обычно направлены на внедрение и закрепление в сознании слушателей представлений об обоснованности наличия обуславливающих связей между структурными частями высказывания, содержащими недостоверные или искаженные факты, взятые в неполном контексте, голословные обобщающие мнения, произвольные или неоправданно преувеличенные оценки, односторонние выводы и др.

убеждений по любым вопросам, то есть пользование свободой слова, налагает особые обязанности и сопровождается определёнными ограничениями, установленными законом. Речь идет о безусловном уважении и соблюдении законных прав, личного достоинства и репутации других лиц вне зависимости от их расовой, национальной, религиозной принадлежности, поддержании государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности общества.

В этой связи становится особенно актуальной методика анализа текста. Значимость использования научно обоснованной экспертной методики исследования спорных текстов высока ещё и потому, что последствием принимаемых решений может стать ограничение прав и свобод человека.

Объектом исследования выступают понятийно-риторические структуры текста, их состав, смысловое содержание и внутренние связи.

Предметом исследования являются функционально-понятийные типы пропозиций, как единицы понятийно-риторических структур текста.

Степень научной разработанности проблемы. Судебная лингвистическая экспертиза текста, как область прикладного лингвистического знания, в настоящее время находится на этапе становления. Она опирается на разработки в области семантики языковых знаков и семантического синтаксиса, лингвистики текста и дискурсивных исследований, теории аргументации и прагматики текста. Формирование судебной лингвистической экспертизы в России относится к самому началу нынешнего столетия, еще не выработано единой методологии и понятийного аппарата. Научные разработки, которыми она располагает, представляют собой ряд авторских методик разной степени подробности. [Бринев, 2006], [Кузнецов, Оленников, 2014], [Баранов, 2007], [Галяшина, 2006]; [Кукушкина, 2014]. Зарубежная лингвистика обладает более внушительной базой и длительной историей. Это связано с особенностями развития государственных правовых систем в области информационных материалов,

т.к. возникновение данного вида лингвистических исследований в первую очередь обусловлено нуждами юриспруденции. В настоящее время центрами отечественной лингвистической экспертизы являются регионы Алтай и Сибирь. Силами местных лингвистов издаются сборники научных статей и журнал «Юрислингвистика».

Целью работы является выделение и описание функционально-понятийных типов пропозиций, определение их роли в коммуникативно-риторическом анализе текста.

Исходя из намеченной цели, были поставлены следующие **задачи**:

1. Описать речевую организацию текста и функционально-прагматическое содержание составляющих его понятийно-риторических структур;
2. Описать метод и приемы анализа понятийно-риторических структур;
3. Выделить и описать функционально-понятийные типы пропозиций;
4. Изучить и классифицировать материал практической части исследования;
5. Провести лексико-семантический, функционально-семантический и коммуникативно-риторический анализ высказываний, входящих в состав текстов;
6. Сделать выводы о результатах исследования.

Методологическая основа исследования. В работе описана и использована методика прикладного лингвистического исследования, которая включает в себя лексико-семантический, функционально-семантический и коммуникативно-риторический анализ высказываний.

Теоретической базой исследования послужили работы в области синтаксиса [Никитин, 2007], [Золотова, 2004], [Шмелева, 1994], теории текста [Валгина, 1998][Земская и др., 2012], [Гальперин, 1981], теории аргументации

[Ивин, 1997], а также труды в области юридической лингвистики. [Кузнецов, Оленников, 2014], [Баранов, 2007], [Бринев, 2006], [Галяшина, 2006], [Кукушкина, 2014].

Научная новизна работы. На сегодняшний день в области лингвистической экспертизы текста существует ряд работ, содержащих теоретические основания и методические рекомендации по проведению этого типа исследования. При наличии некоторого общего содержания, среди ученых, однако, остается много разногласий. К недостаткам некоторых работ можно отнести смещение фокуса исследования на формальную сторону выражения значений в тексте, и недостаточную освещенность аспектов прагматики. Собрав воедино мнения разных лингвистов по вопросу типов интерпретации действительности в речи и изучив результаты исследований в области теории текста и семантического синтаксиса, автор работы предпринял попытку объединить разные взгляды на один объект и сформулировать основные признаки этих лингвистических явлений. Кроме того, в работе предложен метод анализа понятийно-риторических структур, состоящих из описанных пропозиций. Результаты этого анализа позволяют определить и обосновать выводы относительно коммуникативных задач и целей текста.

Объем и структура исследования определяются целью и задачами работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка источников и литературы.

Во введении раскрывается актуальность темы диссертационной работы, характеризуется степень научной разработанности вопроса, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, определяются методологические основы, научная новизна, а также структура работы.

В первой главе рассматривается функционально-понятийное содержание текста и метод его анализа, описывается речевая организация текста, приемы анализа содержания понятийно-риторических структур.

Во второй главе выделены и подробно описаны функционально-понятийные типы пропозиций: факт, мнение (фактоид), оценка, волеизъявление. Для каждого типа определены способы выражения участников предикатно-актантных комплексов, свойственные им виды значений и связей. Описание сопровождается примерами из текстов, анализом отдельных высказываний.

Третья глава диссертации посвящена практической части исследования. Она содержит тематическую классификацию материалов, описание и результаты анализа текстового материала.

В заключении работы подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы, получившие обоснование в данном исследовании.

ГЛАВА I. РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И ЕЕ АНАЛИЗ

1.1 Функционально-прагматическое содержание высказывания

Текст является коммуникативной единицей языка, в которой реализуется совокупность всех языковых функций. К этому выводу приводят исследования процессов речевой деятельности. Признание коммуникативной сущности текста обусловило выдвижение его в качестве исходного объекта анализа речевой деятельности. Текст мыслится как динамическая единица, продуцируемая говорящим в целях реальной коммуникации. Поскольку текст создается при наличии определенной цели и функционирует в определенных коммуникативных условиях, постольку порождение текста и его понимание прагматически ориентированы [Валгина 2003; Земская и др. 2010].

Проведенные исследования показывают, что коммуникативные условия порождения текста и конкретные речевые ситуации поддаются типологизации, а значит и тексты, ориентированные на определенные коммуникативные условия, также должны обладать типологическими признаками.

Каждое речевое действие имеет определенную цель, сообразуясь с которой говорящий решает задачи по подбору языковых средств и способов их использования при построении высказывания. С этой точки зрения текст можно рассматривать как результат прагматической и риторической деятельности человека. «Такой подход предполагает специальное исследование и описание языковых способов и речевых приемов выражения мыслительного содержания, включающего в свой состав риторические приемы убеждающего воздействия, средства выражения и способы реализации прагматических целей аргументации». – [Оленников, 2014: 7].

Для того чтобы получить объективное представление о содержании текста, необходимо изучить его лексический, грамматический, функционально-семантический, понятийный, прагматический и риторический аспекты. Способы и процедуры такого анализа разработаны в рамках теории речевых актов, теории речевого воздействия и ряде других. прикладных лингвистических дисциплин.

В существующих методиках анализа связного текста учитываются две стороны знаний о содержании текста. Сначала используются данные о значениях и функциях языковых средств (когнитивный аспект), на основании этих данных делаются выводы о прагматических свойствах и риторических качествах речевых действий (телеологический аспект). Такой подход позволяет в дальнейшем исследовать и давать контекстную характеристику языковым способам и речевым приемам, использованным для выражения данного мыслительного содержания.

При использовании таких методик должен соблюдаться традиционный поуровневый лингвистический анализ текста: от исследования и характеристики морфологии отдельных единиц предложения к их синтаксису, затем к анализу лексической семантики. Только на основании данных о предметном и событийном наполнении текста, полученных при анализе отдельного предложения, можно сделать обоснованные выводы о прагматическом содержании текста за пределами отдельного предложения, решаемых риторических задачах и целях речевого действия. Таким способом можно решить проблему неоднозначности языкового знака, то есть наличия у означающего разных означаемых.

Иногда – в случаях омонимии на уровне грамматических форм, лексических значений и т.п. – для установления значения языковой единицы необходим анализ контекста. Так, в предложении: *«Застрелили служанку актрисы, которая была на балконе»* требуется определить, к какому элементу главного предложения относится придаточное определительное

предложение. Эта задача неизбежно вызовет затруднения у носителя языка, не обладающего специальными познаниями в области лингвистики. [Федорова, Янович, 2004].

Разработка способов снятия неоднозначности языковых единиц – одна из центральных задач не только для автоматического анализа текста, но и для целей доказательной интерпретации содержания высказывания, обоснования решаемых речевых задач и целевой направленности высказываний.

В зависимости от уровня анализа текста выделяется несколько типов неоднозначности: неоднозначность морфем (например, значение приставки *с-* в словах *сбросить* и *склеить*), форм слов (словоформа *мыла* – форма глагола и форма существительного), омонимия лексем (*коса, брак, лук* и т.п.), неоднозначность словосочетания (*взять лук, косу*), неоднозначность предложения с различными типами разметки связей (*критика ученого, приглашение композитора, посещение родственников*). [Исламов, 2014; Митренина, 2005].

Поскольку неоднозначности одного языкового уровня могут быть сняты при анализе текста на следующем уровне, постольку разработка методов анализа текста за пределами одного предложения приобретает дополнительный стимул.

Суждения, утверждения, волеизъявления и другие сведения, содержащиеся в тексте, представляют собой **речевую информацию**.

И.Р. Гальперин выделяет следующие виды информации на основании прагматического назначения:

- **содержательно-фактуальная информация (СФИ)** содержит сведения о фактах, процессах, событиях реального или воображаемого мира. Информация этого вида эксплицитна, а единицы языка в ее составе обычно используются в прямых значениях, закрепленных в словарях и социальном опыте человека. Содержательно-фактуальная информация может включать в

себя гипотезы, сопоставления фактов, качественные характеристики объектов;

- содержательно-концептуальная информация (СКИ) выражает субъективные представления автора о связях и отношениях между явлениями действительности. Она лично и социально обусловлена и зависит от системы ценностей. Эта информация не всегда выражена конкретно и извлекается из всего текста. Содержательно-концептуальная информация в большей степени присуща художественным произведениям, но может содержаться и в публицистических текстах;

- содержательно-подтекстовая информация (СПИ) является имплицитной и извлекается за счет ассоциативных связей и коннотаций. Она носит факультативный характер и преимущественно свойственна художественным текстам. Автор выделяет ассоциативную и коннотативную разновидности СПИ. [Гальперин, 1981].

В зависимости от характера языковых средств и связей внутри высказывания, можно выделить следующие виды:

- констатирующая информация содержит сведения о конкретных ситуациях, происшествиях, о действиях реальных лиц, количественных и качественных признаках предметного мира и осуществляет информативную функцию речевого акта;

- убеждающая информация выражает мнение и его обоснование, суждение, оценку ситуаций, действий, личных качеств людей. Этот тип информации реализует оценочную функцию речевого акта: сообщает отношение автора высказывания к описываемым событиям, явлениям, предметам и описывает их как хорошие или плохие с точки зрения чьих-либо ценностей;

- директивная информация осуществляет функцию волеизъявления, выражения требований и желаний говорящего и содержит

побуждения к действию и прочие речевые акты, направленные на управление поведением людей.

На основании коммуникативных намерений можно выделить функционально-семантические типы информации:

- описание – фактическая констатация свойств объекта, существующей ситуации в определенный момент;
- повествование – характеристика объекта, явления в динамике, развитии (во временной протяженности);
- рассуждение – изложение логико-понятийных обобщений фактов, выявление скрытых отношений между явлением и оценкой. Убеждающие высказывания относятся к рассуждениям и содержат обоснования справедливости приписываемой объекту оценки, характеристики.

Под **высказыванием** принято понимать реализованное предложение, лексически наполненная единица речи, выражающая определенную целевую установку. Оно всегда имеет два компонента: тему и рему. Объединяясь в семантико-структурные блоки, высказывания формируют сложное синтаксическое целое (ССЦ). ССЦ обладает минимальной смысловой, информационной и конструктивной законченностью, совпадает с развитием микротемы. Н.С. Поспелов охарактеризовал ССЦ как синтаксическую единицу, более независимую (чем предложение) от окружающего контекста связной речи. По Г.Я. Солганику, ССЦ – «тесно связанные по смыслу и синтаксически группы предложений». В отечественной лингвистике существует целый ряд терминов для обозначения сложных синтаксических единиц: сверхфразовое единство (О.С. Ахманова), сложное синтаксическое целое (А.М. Пешковский), компонент текста (И.А. Фигуровский), прозаическая строфа (Г.Я. Солганик), синтаксический комплекс (А.И. Овсянникова), монологическое высказывание, коммуникативный блок и т.д. [прив. по Валгина, 2003]. Наиболее часто в научной литературе встречаются понятия «сверхфразовое единство» и «сложное синтаксическое

целое», однако, и они не вполне удовлетворяют ученых. Существование «сложного синтаксического целого» подразумевает наличие простого синтаксического целого, т.е. минимальной единицы синтаксиса, каковой в традиционном смысле является словосочетание. Это значит, что под сложным синтаксическим целым можно понимать, например, сложное предложение. Недостаток термина «сверхфразовое единство» заключается в том, что в русской лингвистике нет явления, обозначаемого термином «фраза». Вне научной среды под этим словом, как правило, понимается устная реплика в диалоге. Англоязычный термин «supra-phrasal unity» буквально переводится как «единство иерархически выше словосочетания», т.е. предложение, т.к. термин «phrase» означает словосочетание.

Смысловая связанность текста проявляет себя в тема-рематических последовательностях, т.н. актуальном членении текста. Они отображают накопление информации и движение мысли в тексте.

Лингвисты выделяют пять основных типов тема-рематических связей в ССЦ:

1. цепная структура;
2. структура веерного (кустового) типа с повторяющейся стабильной темой и разными ремами;
3. параллельные тема-рематические структуры;
4. структура с обобщенной темой, которая расчленяется за счет конкретизации;
5. тема-рематические структуры веерного типа с несколькими темами и одной ремой.

В параллельных тема-рематических структурах высказывания проявляют себя как формально автономные. Связь в них выражена через повторение одних и тех же моделей. В некоторых случаях связанность высказываний не выражена эксплицитно и существует на уровне логических отношений. Здесь особенно важна роль порядка слов и предложений. Так,

например, выражена причинно-следственная связь высказываний *«Начался дождь. Мы ушли с веранды»*.

Локальная связность, объединяющая сверхфразовые единства, формально выражается в анафорических элементах: именах, вводно-модальных и местоименно-наречных словах, лексических повторах, союзах и др., а также с помощью предлогов, порядка слов и видовременных форм глаголов. Также в качестве повторных наименований употребляются местоимения, метафоры, перифразы и др. Глобальная связность, существующая на уровне всего текста, отражается в ключевых словах, тематически объединяющих его фрагменты.

ССЦ может обладать композиционной структурой. Высказывание–зачин имеет наибольшую самостоятельность и часто содержит исходный посыл, общую тему. Средняя часть ССЦ особыми синтаксическими средствами не оформляется, а нижняя граница ССЦ – концовка – часто содержит выводное умозаключение.

Сверхфразовые единства всегда монотематичны. Их объединение друг с другом отражает переход от микротем в макротему. «Для текста важна коммуникативная преемственность между его составляющими. Каждое высказывание в коммуникативном плане связано с предшествующим и продвигает сообщение от известного к новому, от данного, исходного к ядру». [Валгина, 2003: 27].

Стоит отметить термин **«композиционное высказывание»**, под которым понимается целостная риторическая структура, характерными чертами которой являются наличие общей темы и общего риторического объекта и коммуникативная преемственность на уровне предложений. Композитные высказывания являются минимальными прагматическими единицами смысловой структуры текста, т.к. в них проявляются коммуникативные намерения автора. [Кузнецов, Оленников, 2014].

Таким образом, можно выделить один общий принцип подхода к этой единице текста: она понимается как сложное структурное единство, состоящее более чем из одного самостоятельного предложения, обладающее смысловой целостностью и тематическим единством.

Адресат может извлечь из текста определенный объем информации, основываясь на своих знаниях о языке и мире. Содержание текста формируют единицы всех уровней языка. Слова и словосочетания, входящие в предложения, связываются лексико-грамматическими характеристиками, и слушатель согласует их по функционально-смысловым признакам. Понять высказывание – значит верно истолковать связь языковой единицы и мыслительного содержания, реализуемого в речи. В процессе интерпретации текста адресат следует путем от грамматических связей к семантической связанности слов. Законы языка, известные носителю, позволяют ему моделировать понятийно-семантические структуры.

Ментальные процессы понимания, истолкования, обоснования связаны с приемами синтеза и анализа. Слушатель интерпретирует и сам факт коммуникации, и его информационное содержание. Язык не просто средство коммуникации - являясь формой, он оказывает влияние на содержание речевого акта. Например, не вся информация, имеющая формальные признаки факта, на деле является фактической. Понимание сообщения – результат когнитивных и прагматических процессов, протекающих в сознании слушателя. Они занимаются тем, что проверяют истинность факты, сопоставляются с личным опытом сведения, оцениваются аргументы мнения, оценивается необходимость исполнения требуемых действий. В линейной последовательности языковых знаков в тексте слушатель вычленяет коммуникативные единицы содержания текста, и на основе их смысловой связи синтезирует их в риторические конструкции, являющиеся композитными высказываниями. Эти структуры характеризуются наличием тематического ядра, аргументативной части и вывода. В результате этих

операций образуется смысловое целое – оно является **функционально-прагматическим содержанием высказывания**.

Следует различать внеязыковую действительность и ее отображение в речи, т.к. содержание высказывания представляет собой взгляд автора на события действительности. Проявление внеязыкового мира не зависят от автора, но отражаясь в высказывании, приобретают субъективные черты, зависящие от говорящего – интерпретатора. Таким образом, понятийное содержание предикатно-актантного комплекса высказывания отражает не только фрагмент реальности, но и отношение автора.

Содержание языковых средств, используемых для того, чтобы донести сведения о действительности, состоит из двух компонентов: диктума и модуса. Они отражают принципиально разные свойства действительности.

Диктум содержит в себе фактическую информацию, которую можно проверить и подтвердить или опровергнуть эмпирическим путем или путем рационального познания. Эта информация может быть оценена по критерию «истинно-ложно» на основании знания внеязыкового мира т.е. подлежит верификации. К содержанию диктума относятся материальные и фактические признаки понятий, утверждений, объектов, т.е. объективно проверяемые свойства денотатов. Эта часть высказывания осознается как констатирующее знание о реальных существенных понятиях. Диктум также содержит семантические признаки, обозначающие объективное, конкретное, предметное знание. Это информация, полученная на основании эмпирического и рационального освоения действительности, через воздействие на органы чувств, материальные свойства предмета.

Диктумная часть высказывания включает в себя материально-эмпирические, условно-фактические признаки утверждений и понятий, объективные свойства вещественных внеязыковых референтов: понятия, обобщающие чувственные образы воздействия внешних сил на материальные объекты (включая человека), понятия со значением природных процессов,

физических действий. Эти признаки связываются в суждениях на основе их смежности и совместимости их денотатов на оси «часть-целое» фрагмента действительности.

Диктум воспринимается как констатирующее объективное знание о материально-вещественных объектах, их объективных и качественных свойствах и их существовании во времени и пространстве.

Модус представляет собой интерпретирующий компонент значения языкового знака, содержит характеристики субъективно-качественных аспектов значения высказывания и ментальные оценочные характеристики. Также он характеризует степень значимости предмета речи для говорящего. Модус объединяет эмоциональную часть признаков понятий и суждений, связанных путем субъективного логического обобщения, фиксирует опыт оценочной интерпретации различных (интеллектуальных, моральных, нравственных, этических) сторон действий одушевленных предметов, сил природы. Субъективно-качественная характеристика входит в состав мыслительных структур, которые отражают результаты личного восприятия действительности. Модус выражает оценки лиц, их действий с точки зрения здравого смысла, морали, справедливости. Эти понятийные признаки связаны имплицативными отношениями и в суждениях о денотатах выступают в роли выводов из фрагмента действительности на оси «общее-частное», наслаиваясь на значения диктумной части как «частное». Регулятивное воздействие модусной информации на сознание адресата основано на свойстве субъективности. Примеры языковых единиц, содержащих в модусе негативные оценочные значения: *гадина, подлец, фашист, фанатик, сборище, шайка; наглая ложь, дешевые трюки, бесстыжая морда.*

Элементы композитного высказывания семантически объединяет полипредикативная речевая структура, позволяющая различать значения понятийно-риторических единиц (сообщения о фактах, оценки, мнения, побуждения и т.п.). Она состоит из **пропозиций** - минимальных предикатных

единиц, объединяющих в единую структуру понятийно-семантические признаки субъектного и предикатного компонентов. Иными словами, пропозиция представляет собой предикатно-актантный комплекс значений понятийных признаков, грамматически отнесенных к определенному общему пространственно-временному плану.

Структурным ядром пропозиции является семантический предикат, а понятийным ядром – предметные актанты, обладающие свойством внеязыковой отнесенности. Будучи минимальной информационной единица содержания текста, пропозиция имеет способность к расширению и усложнению. Количество актантов определяется семантическими валентностями, которые имеет предикат. Соответственно, количество пропозиций в предложении зависит от количества предикатов, а количество актантов - от валентности предиката.

Пропозиция понимается в лингвистике как некая постоянная семантическая структура. Входящий в ее состав диктум, интенционал противопоставляется переменной и субъективной составляющей, характеризующей модальные и прагматические компоненты предложения. При таком толковании пропозиция является отражением логического внеязыкового факта, содержащегося в предложении. В данной работе этот термин используется для обозначения части высказывания, являющей собой целостную предикатно-актантную единицу, в которой есть и диктумные, и модусные значения, при этом первое формирует основную часть пропозиции, а второе выступает как дополнение.

Установление качественных характеристик логико-смысловых отношений между грамматически связанными монопропозитивными единицами – ответственный этап исследования функционально-прагматической структуры текста. Результаты этой процедуры позволяют установить и обосновать коммуникативные задачи и целевую установку текста. Выделение категориально-грамматической группы признаков

осуществляется путем семасиологического анализа и позволяет по форме предиката (сказуемого) и его актантов (подлежащего, дополнения, обстоятельства) установить количественный состав пропозиции. По значениям категориально-понятийных признаков можно подтвердить лексико-семантическое значение языковых средств. Затем определяется общая структура пропозиции, свернутые пропозиции восстанавливаются. Таким образом, функционально-прагматический анализ предложения состоит из установления синтаксической связи элементов предложения, определения денотативной когерентности языковых средств и выделения пропозиций (основных, дополнительных, свернутых). В результате этого исследования можно определить функциональный тип пропозиции: факт, мнение, оценку или волеизъявление.

В отечественной науке еще не сложился понятийный аппарат, характеризующий исследуемые языковые и речевые сущности. Например, считается, что состав пропозиции может совпадать с минимальной структурной схемой предложения из списка В.А. Белошапковой [Белошапкова, 1989]. Н.Д. Арутюнова выделяет четыре типа логико-синтаксических отношений в пропозиции: экзистенция, номинация, идентификация, предикация (характеризация). Каждое из этих отношений способно стать коммуникативным ядром предложения. [Арутюнова, 1976].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным выделить четыре функционально-понятийных типа пропозиций. Они имеют различное содержание в зависимости от семантических характеристик понятийного субъекта, его предикативного признака и объекта. В соответствии с грамматической формой предиката, его функциональных и понятийных отношений с актантами, выделяются следующие функционально-понятийные типы пропозиций – факт, мнение (фактоид), оценка, волеизъявление. [Кузнецов, Оленников, 2014].

Правильно заполненная функциональная пропозиция, с точки зрения ученых, представляет собой формальное выражение глубинной структуры. В отличие от предикатной структуры предложения, в которой предикаты различаются по числу аргументов при них², глубинная семантическая пропозиция должна содержать данные как об обязательных актантах, так и о факультативных актантах места и времени. Например, предложение «Дует ветер» в функциональной пропозиции преобразуется в следующую структуру «ветер дует над некоторой территорией некоторое время». В этой пропозиции, предметными объектами которой выступают «воздух» и «территория», можно выделить несколько свернутых понятийных пропозиций:

Ветер – стихийное перемещение материи (газ, воздух). Здесь актантом выступает «воздух», который имеет признак «стихийно перемещаться».

Время – показатель длительности процесса «дует».

Свернутые пропозиции вскрываются по мере необходимости в ходе анализа. От результатов этой работы во многом зависит обоснованность выводов о понятийно-риторической структуре высказывания.

Выбор единиц, обладающих определенным наполнением диктума и модуса, зависит от темы высказывания. Диктум указывает на объективные признаки предмета речи, характеризующие внеязыковой и содержательно определяется предметом речи и темой. Нейтральный модус используется, например, в юридических текстах, где объектам не приписываются субъективные оценки. Диктумом обладают все языковые средства и коммуникативные единицы и инструменты. Семантические признаки диктума обеспечивают когерентность языковых средств. Модусные составляющие не влияют на понятийно-семантическую связь, однако чем больше в высказывании модусных значений, тем сильнее его речевоздействующая сила на эмоциональную сторону восприятия текста.

²Предикаты свойств одноместны, в то время как предикаты отношений могут иметь до пяти валентностей, но, как правило, не более трех.

Помимо явной информации, содержащейся в значениях языковых знаков, текст содержит смысловой план, который существует имплицитно. От правильности восприятия смыслового наполнения этого плана во многом зависит успех коммуникативного акта. Большую роль здесь играет явление **пресуппозиции** - компонента смысла текста, который не выражен вербально, предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Основное отличительное свойство пресуппозиции – сохранение ее при отрицании.

Е. В. Падучева определяет пресуппозицию следующим образом: «Суждение Р называют семантической пресуппозицией суждения S, если и из истинности, и из ложности S следует, что Р истинно, т.е. если ложность Р означает, что S не является ни истинным, ни ложным. Высказывание S в ситуации, где ложна его пресуппозиция, аномально». [Падучева, 2010: 232]. Например: В пресуппозиции суждения «Иван бросил курить» содержится информация о том, что Иван курил. Если Иван никогда не курил, нельзя сказать, что заявление о том, что он перестал курить истинно или ложно.

Н. С. Валгина соотносит пресуппозицию с понятием «фоновые знания», под которым понимает «совокупность знаний, связанных с реалиями или другими текстами». [Валгина, 2003, 10]. Этот информационный фонд у автора и слушателя должен совпадать настолько, насколько это необходимо для данного акта коммуникации.

Пресуппозиции входят в класс неассертивных семантических компонентов предложения наряду с такими явлениями, как семантическое следствие, исходное предположение вопроса, логическое следствие, коммуникативные импликатуры (стоит отметить, что под этим термином понимается информация, связанная с обстоятельствами общения и общими постулатами коммуникации).

Имплицитная информация может использоваться как прием (в художественных, публицистических текстах), обозначать общий фон к теме

высказывания или являться структурно значимым элементом значения, на котором строится композиция текста.

Пресуппозиция основывается либо на фоновых знаниях слушающего, либо на информации, полученной из текста. Следовательно, можно говорить о дотекстовых и текстовых пресуппозициях. Пресуппозиции могут иметь локальный или глобальный характер, и, соответственно, распространяться на высказывание, фрагмент текста, либо весь текст.

При анализе текста важно обращать внимание и на его языковую форму, и на коммуникативный план. Для определения коммуникативных установок текста, необходимо рассматривать его логико-смысловую направленность. С этой точки зрения стилистически маркированные единицы выступают средствами для выполнения коммуникативных задач автора. Как правило, конфликтную коммуникацию вызывают высказывания, включающие отрицательные модусные значения, однако если модусная часть содержит одобрительные оценки общественно порицаемых явлений, сообщение также может стать конфликтогенным. Однако конфликтной может быть и сама **тема сообщения**, если в нем затрагиваются болезненные проблемы, беспокоящие общественность. Обычно это вопросы, которые волнуют широкую аудиторию, и по которым не сложилось единого мнения.

Часто резонанс вызывают высказывания, содержащие мнение, которое не разделяет большинство людей. Оценки автора могут противоречить общепринятым морально-этическим установкам и взглядам. Даже тексты, в которых сообщаются факты объективной действительности, могут носить конфликтный характер, если автор использует негативный модус, например, лексику с оскорбительным значением. Часто такие сообщения содержат авторскую оценку личности, характеризуя ее оскорбительным, циничным образом, или дискредитируя ее личные или профессиональные качества, тем самым умаляя ее человеческое достоинство.

Среди источников конфликтных высказываний – традиционно проблемные области социальной жизни. Чаще всего их причина – различия в мировоззрении участников обсуждения. Для межнациональных и межконфессиональных дискурсов причина кроется в несовпадении культурных парадигм, для дискурсов, связанных с правами меньшинств, болезненными точками являются вопросы толерантности. Неизбежно острыми остаются обсуждения политических, социальных проблем, вопросы прав и свобод различных групп населения, экономические явления, в условиях мировой глобализации не теряют актуальности вопросы толерантности и сохранения национальной самоидентификации. Все это свидетельствует о том, что тема может быть потенциально конфликтна даже при отсутствии отрицательных модусов в сообщении с единственно информативной целью. «...речевые факты могут сообщать о негативных, опасных, угрожающих явлениях, события, мнения и оценки могут быть отрицательными, волеизъявления – противоправными. Все речевые действия кроме изложения фактических сведений, могут быть конфликтогенными: нетолерантное речевое поведение, волеизъявления радикального характера, быть потенциальным источником конфликта между автором и аудиторией». [Кузнецов, Оленников, 2014].

Конфликтогенные фразы выражают негативное мнение или оценочное суждение о лицах, событиях, явлениях. Характерный признак конфликтогенных фраз – использование «языка вражды».

Понятие **«язык вражды»** (синоним «язык ненависти» в англ.: hate speech) широко используется в риторике различных организаций, защищающих права национальных, религиозных, сексуальных и др. меньшинств. В настоящее время это понятие стало интегральным для слов с негативным модусом, выражающих в тексте отрицательное отношение говорящего к оппоненту – носителю иной системы национально-культурных, религиозных ценностей, политических взглядов, поведенческих установок и

т.п. [Дзялошинский, 2007; Дубровский, 2003; Кожевникова, 2006; Кроз, Ратинова, 2005.].

В аспекте прагматических свойств сообщения, информация может содержаться в разных видах **речевых структур**, которые воплощаются как логико-семантические каркасы с лексико-понятийным наполнением. Они представляют собой «конструктор», из которого говорящий выбирает языковые единицы в зависимости от своей коммуникативной цели. Каждый тип пропозиций – единиц конструктора – отражает определенное отношение говорящего к действительности, преломление явлений реальных или существующих в сознании говорящего. Совокупность таких структур формирует композитное высказывание. Они отличаются не только функционально, но и сущностно, т.к. основаны на двух способностях человеческого сознания: постигать внешние объекты и познавать самое себя.

Рационально-когнитивному типу освоения информации соответствует фактический тип речевого акта. Любое речевое действие представляет собой результат отражения данных чувственного опыта, однако **факт**, в отличие от остальных типов, сообщает о реально произошедших событиях, материальных качествах предметов, существующих связях и отношениях.

В рамках исследования текста утверждение о фактах можно рассматривать в двух планах – онтологическом и логико-познавательном. Факт в онтологическом понимании – это любое объективное (т.е. не зависящее от автора речи) свершившееся событие или ситуация, описывающая состояние действительности. Такие факты могут быть верифицированы технически. В логико-познавательном плане фактом признается обоснованное знание, которое получено в результате описания фрагментов действительности, ограниченных определенными пространственно-временными характеристиками. Таким образом, под фактами понимаются элементы системы знаний, которые воплощают онтологические факты с помощью языковых средств. Факты организуют

часть общественного знания, которая представляет в сознании человека опыт познания отдельных явлений реальности. В рациональном типе информации признаки предметов действительности соотносятся со знанием законов, следовательно, факты являются системным выражением законов реального мира в сознании человека.

В аспекте лингвистического исследования текста фактами считаются утверждения, констатирующие связи между объектами и явлениями окружающего мира, сообщения о данных практической деятельности, участниками которой являются одушевленные и неодушевленные объекты, а также сведения о количественных и интенсивностных признаках объектов, ощущаемых человеком, или их пространственно-временных характеристиках.

Факт, как вид речевого действия, утверждает истинность или ложность изменений и отношений между объектами, принадлежащими действительности, а также связей их качественных свойств и физических признаков. Они могут быть проверены эмпирическим путем, поэтому ответственность за истинность сведений, изложенных в форме факта, лежит на их авторе. Однако задача лингвиста ограничивается выявлением в тексте констатирующих утверждений, удовлетворяющих требованиям к фактам, в то время как соотнесение этих сведений с реальным положением дел не входит в его компетенцию.

Форма изложения факта может включать в себя языковые средства с оценочными компонентами значения. Фактическая информация может быть нейтральной, положительной или отрицательной. Собственно оглашение фактических сведений может создать конфликтную ситуацию, если они способны навредить чьей-либо репутации. Если обнародованная негативная информация соответствует действительности, она позорит характеризуемое лицо. В противном случае такая информация классифицируется как порочащая.

Мнение – речевое действие, соотносимое с качественным прагматическим типом обработки информации. Мнение используется для интерпретации действительного положения дел, при этом верифицируемая фактическая информация о качествах объекта заменяется на производную от нее характеристику. В отличие от фактических сведений, содержание мнения нельзя проверить с помощью внешних по отношению к языку процедур, т.к. оно основано на интуитивном обобщающем осмыслении качественных свойств объекта и зависит от правильности результатов этого осмысления.

Мнение представляет собой этическое суждение о качественных признаках отношений, явлений, действий, а также характеризующие сведения, в которых автор выражает свой субъективный взгляд на качественные связи объектов. Мнения основаны на интуитивном индивидуальном восприятии, представлении о таких характеристиках объекта, как важность, эффективность, полезность и т.п. Мнение отвечает за передачу в сообщении информации об интуитивно выявленных и осознанных ценностных характеристиках объективных свойств объекта речи.

Мнения отвечают за качественно-характеризующий план сведений, излагаемых автором высказывания. Они не могут быть проверены на истинность или ложность, но могут быть признаны верными, если основаны на правильном обобщении достоверных фактов и подтверждаются интуитивными интерпретациями как говорящего, так и слушателей. Право на обнаружение мнения гарантируется положением о свободе слова, однако мнение не должно содержать пропаганды вражды, ненависти, социальной агрессии и насилия.

Оценка, как речевое действие, отражает экспрессивно-оценочный тип преобразования информации. Оценки существуют в сознании и выражают личное ценностное отношение автора, мотивированное качественными признаками объекта. Это означает, что оценка сама по себе невозможна в отрыве от объективных свойств предмета речи, она формирует

экспрессивную часть высказывания. Оценки выражают эмоциональные реакции и отражают личное обобщение автора о признаках объекта или факта (иногда в форме явных или скрытых сопоставлений по выделенному качеству).

Резко отрицательная, грубая оценка личных качеств лица, выраженная в неприличной форме, может квалифицироваться как оскорбление и унижение достоинства характеризуемого лица.

Речевой акт волеизъявления воспроизводит регулятивно-качественный, деонтический тип восприятия. Суждения в форме волеизъявления формируют часть высказывания, целью которой является агитационное управление сознательным поведением слушателя, побуждение его к деятельности по достижению целей, поставленных говорящим. Характерной чертой волеизъявления как типа суждения является то, что его предикат обозначает возможное, но не реализованное действие, процесс или событие. Форма и содержание предиката являются средствами воздействия на аудиторию. К этому типу речевых действий относятся инструкции, приказы, требования, угрозы, клятвы, вопросы, пожелания, советы, призывы и т.п. Волеизъявление может быть мотивировано целевым желанием говорящего и отражено в модальных формах «хочу – могу – надо». В таком случае коммуникативной задачей высказывания является сообщение этого желания, а целевой установкой служит модальное воздействие. Волеизъявление часто используется в высказываниях, содержащих агитацию для побуждения адресата к действию.

Установление типа речевого акта позволяет на этапе синтеза высказывания выявить и обосновать реализацию его коммуникативных задач и целей.

Коммуникативная задача автора высказывания сводится к тому, чтобы донести до адресата информацию. В частных случаях сообщение может нести не только информативную, но и регулятивную функцию. Любая

коммуникация, любые сведения, попадающие в область рецепции человека, оказывают влияние на его сознание, вносят те или иные изменения в его картину мира, опыт, установки и знания об окружающей действительности. Однако существуют высказывания, основной задачей которых является воздействие на сознание слушающего с целью изменить его мнение и заменить авторским. Таким образом, коммуникативная задача высказывания есть некое утверждение и доказательство его истинности.

Чтобы выполнить коммуникативные задачи высказывания, автор должен связать структурные части текста, логически, оценочно или эмоционально. Необходимо создать такие связи между оценками, фактами, чтобы читатель их ощутил и признал.

Можно выделить следующие коммуникативно-тематические элементы, между которыми при условии когерентности образуются связи:

- тема;
- характеристика;
- аргументация необходимости решения;
- прогноз развития ситуации;
- предложение по решению.

Для установления коммуникативной задачи высказывания необходимо выделить исходную мысль, о которой рассуждает автор, позицию, которую он аргументирует. Как правило, этот посыл занимает автономное место, и при составлении плана или конспекта текста является главным тезисом. К нему логико-семантическими или эмоциональными связями прикреплены характеристики, оценки и аргументы, и из всего этого комплекса следует вывод. Таким образом, вывод является самым зависимым элементом коммуникативно-тематической системы высказывания.

Для того чтобы получить представление о **целевой направленности** высказывания, необходимо установить понятийную связь между исходными суждениями текста и выводами, которые делает говорящий. Исследователь

должен обратить внимание с одной стороны на то, каким образом характеристики, доводы и аргументы доказывают истинность суждения, и с другой - на то, как они связаны с заключением. Этот анализ должен проводиться тщательно, ведь именно его результаты позволяют определить информационную структуру текста, и, следовательно, получить представление об интенции автора. Внимательная работа на этом этапе позволяет выявить манипулятивные приемы: недостаточность доказательств, подмену объекта характеристики, эмоционально-аффективные провокации, логические разрывы и т.д.

С точки зрения целевой направленности принято различать тексты с информационной и регулятивной установкой.

Текст с преобладанием установки на информирование и сообщение фактических сведений содержит минимальный набор оценок, экспрессивных характеристик и субъективных мнений. Абсолютно информативные сообщения без экспрессивно-оценочных компонентов – чрезвычайно редкое явление. К исключительно информативным по функции сообщениям О.С. Иссерс относит объявления об отправлении и прибытии поездов на вокзале. [Иссерс, 1999]. Нейтральное выражение едва ли возможно: говорящий не только имеет возможность, но и вынужден выбирать различные варианты выражения некоего содержания. [Баранов, Паршин, 1986].

К регулятивным установкам относятся пропаганда взглядов и мнений, знаний, агитация, направленная на побуждение, призыв, подстрекательство к каким-либо действиям.

Н.Д. Арутюнова предлагает понятие субъективной искренности автора высказывания. По ее мнению, переход от предложения к высказыванию, от языка к речи, от семантики к прагматике заставляет говорить не об объективной категории истинности высказывания, но о субъективном принципе искренности высказывания. Верификация, таким образом, проходит не только путем обращения к внешнему миру или через логику, но

через выяснение истинных мыслей говорящего. Так, искренность есть не что иное, как субъективная (психологическая) истинность. [Арутюнова, 1989]. Однако, не до конца ясно, имеется ли в виду, что говорящий сообщает именно то, что думает и во что верит. В случаях коммуникации с целью воздействия или обмана (например «Слон больше мыши»), трудно согласиться с тем, что автор говорит искренне, даже с субъективной точки зрения.

Отдельно стоит обратить внимание на исследование диктумной и модусной сторон высказывания. Необходимо точно определить, является ли компонент значения качественно-характеризующим или экспрессивно-оценочным, и к какому объекту относится. Все это в совокупности с понятийными, риторическими и оценочными связями между частями текста позволяет сделать выводы о его целевой направленности.

1.2 Используемые виды анализа текста и их последовательность

В исследовании С.А. Кузнецова и С.М. Оленникова излагаются некоторые способы и приемы последовательного связывания элементов речевого действия в понятийно-риторическую структуру путём интерпретации типов обусловленности когерентных значений объектных, атрибутивных и акцидентных признаков элементов выделенных пропозиций. [Кузнецов, Оленников, 2014].

Предложенный коммуникативно-риторический подход позволяет исследовать текст как речевое действие для сообщения разного вида информации, выделить информационную структуру текста, определить понятийно-риторические связи между его частями, и сделать выводы о коммуникативных целях и задачах высказывания.

При работе с синтаксическим уровнем текста задача исследователя - выделить последовательность синтаксических структур: подлежащее, сказуемое, дополнение прямое или косвенное, обстоятельства детерминантов,

относящихся ко всему предложению, а также установить связи придаточных предложений с опорным для них словом в главном. На этапе коммуникативно-синтаксического анализа исследование выходит на метаграмматический, понятийный уровень. Здесь важно выявить коммуникативно-риторическую структуру текста, т.е. преобразовать результаты предыдущих этапов анализа в информационную структуру текста. Модель информационной структуры текста – понятийная сеть признаков объектов, связанных между собой подчинительно-обуславливающими композиционными и присоединительными связями. «Преобразование каждого следующего предложения добавляет к описанию новые объекты и признаки, делая актуальными задачи принципиально иного уровня, связанные с анализом текста как единого целого» [Кузнецов, Оленников, 2014]. Такие задачи решаются в рамках анализа дискурса, лингвистике текста и когнитивных исследованиях текста.

Результаты этой работы позволяют обосновать лексические и семантические значения элементов структуры предложения, установить понятийную структуру, выделить риторическую доминанту и определить связи основной и вспомогательных пропозиций, выявить тему и рему, а также модусные и диктумные части предложения. Все это в итоге помогает установить функционально-понятийный тип пропозиции.

На этапе коммуникативно-риторического анализа исследуются речевая информация, содержащаяся в синтаксических структурах т.е. сведения, суждения, утверждения, умозаключения, волеизъявления, которые характеризуют какой-либо объект мысли (предмет, личность, событие, ситуацию, положение, состояние дел и т. п.). В совокупности это представляет собой процедуру анализа целостных фрагментов текста и причинно-следственных связей и позволяет ответить на вопросы, связанные с коммуникативными целями и задачами говорящего, оценке эффективности выбора языковых средств или к правовой оценке исследуемых высказываний.

Для того чтобы установить значение понятийно-риторических структур необходимо перейти от анализа понятийных и формальных связей внутри предложения к анализу прагматических характеристик текста.

Анализ понятийно-риторических структур помогает совершить переход от анализа семантических и формальных связей внутри предложения к анализу прагматической стороны текста. Основную сложность представляет преодоление логического разрыва при переходе от предложения к высказыванию и далее - к тексту.

Изучая языковой материал, необходимо следовать от описания используемых языковых средств к выявлению их семантического наполнения, и далее – к мыслительному содержанию высказывания. Когерентные значения признаков помогают перейти от рассмотрения текста к его смысловому наполнению. Существуют специальные методы понятийно-риторического связывания компонентов высказываний, содержащих суждения убеждающего типа.

После определения типа пропозиций и выявления их внутренних связей можно перейти к исследованию строения понятийно-риторической структуры: пропозиции связываются по когерентным значениям признаков. Для описания понятийно-риторической структуры необходимо синтезировать выделенные во фрагменте пропозиции. Целью этого этапа исследования является выделение частей высказывания и выявление тематической связности фрагмента. Это позволит сделать выводы о его коммуникативных задачах и целеустановке.

Синтез является прагматическим подходом к интерпретации содержания текста. Задача исследователя – пройти тот же путь, что и слушатель. Синтез осуществляется путем интерпретации типов понятийных связей внутри пропозиции. Связи между суждениями могут быть подчинительно-обуславливающими или параллельно-композиционными. Подчинительно-обуславливающий тип связей свойственен

публицистическим и научным текстам, т.к. они содержат рассуждения. Использует такие формальные средства языка, как местоименные слова, лексические повторы, синонимы и антонимы. Параллельно-композиционная связь характерна для текстов, содержащих описание и последовательное повествование. Этот вид связи осуществляется через соположенные понятийные признаки актанта или предиката пропозиции. Их связь с другими элементами структуры может иметь характер объединения, перечисления, противопоставления и т.п. Формально связность выражается в единстве грамматических форм, общей темой и риторическим объектом и позволяет установить контекстные значения слов.

В высказывании может быть выделен еще один вид связи – присоединительный. Связь этого типа существует между сообщением и авторским комментарием и не образует самостоятельного текста: к последовательной или параллельной структуре добавляется комментарий, содержащий авторскую оценку сообщения.

В отличие от отдельной пропозиции, где в центре находятся предикат и его актанты, во главе высказывания стоит главный риторический объект. Определение семантических связей в смысловом содержании текста позволяет понять, что именно говорится об объекте мысли. Риторический объект формирует тему и влияет на выбор понятийно-риторической структуры. Для того, чтобы понять, что сообщает автор о риторическом объекте, необходимо выявить смысловые связи в мыслительном содержании высказывания. Системно-синтаксические связи между предложениями высказывания формально отражены через грамматические, лексико-семантические и синтаксические значения языковых средств.

Высказывания имеют трехчастную структуру. Входящие в него суждения могут воплощать различные риторические приемы и коммуникативные цели.

Суждение, содержащее исходный посыл сообщения, как правило, имеет форму полного предложения с подлежащим и сказуемым. В нем представляется информационный повод, который обсуждается в тексте высказывания. Приводящиеся для его обоснования доводы могут иметь сложную структуру, однако их связь с исходной мыслью должна быть ясной слушателю.

Доводы в форме факта служат подтверждению истинности посылки. Фактоиды призваны обосновать правдоподобие посылки. Правильность оценочного мнения подтверждается соответствием с опытом, системой ценностей и интересами слушающего.

Цель речевого действия содержится в выводе или обобщении, которые в целях коммуникативной эффективности обычно формулируются лаконично и ясно.

Виды понятийно-риторического синтеза фрагмента и единицы прагматического анализа:

- для функционально-понятийного синтеза высказывания исходными единицами являются типы пропозиций (факты, мнения, оценки, волеизъявления);
- коммуникативные типы суждений (констатация, убеждение, описание) связываются в понятийно-риторическую структуру. Она может содержать как одну, так и несколько пропозиций, которые объединяются в пропагандистские и агитационные риторические структуры, организующие композитное высказывание.

Информационная структура высказывания определяется понятийно-семантическими отношениями между линейно расположенными суждениями. Тематические отношения между ними могут быть основаны на предикативных признаках пропозиций (отношения причины, цели, функции) и (или) на связанных значениях семантических признаков объектных

актантов (пространственно-временные, сопоставительные, перечислительные, мереологические).

Полная понятийно-риторическая структура композитного высказывания имеет трехчастную структуру: 1) исходное суждение, представляющее собой мнение или факт и содержащее тему высказывания; 2) обосновывающий довод – оценочное суждение или мнение о факте, сообщаемом в исходной посылке; 3) выводное следствие – умозаключение, тематически связанное с посылкой и доводами.

Минимальная структура композитного высказывания может ограничиваться фактоидом, содержащим суждение о людях, их действиях и личных качествах, и оценкой фактоида – субъективной оценочной характеристикой результатов действий или проявлений личных качеств людей. Сокращенная модель высказывания может подменять полную с целью манипулятивного воздействия на аудиторию, т.к. ее элементы не связаны причинно-следственными связями. В таком случае исходной посылкой служит оценочное суждение, которое аргументируется фактоидами или другими оценочными мнениями.

Исходная посылка – это некое утверждение о связи объекта и признака, которое говорящий обосновывает в тексте. Посылка задает тему высказывания и выделяет главный риторический объект.

Если высказывание не содержит явных выводов, посылка может находиться в конце высказывания и представлять собой умозаключение на основе изложенных суждений и представлять собой мнение, которое автор аргументирует с целью навязать его слушателю.

Посылкой может стать факт или фактоид, выступающий информационным поводом высказывания. Его содержание вступает в отношения с нормами, законами и может соответствовать им или нет. Аргументацию составляют доводы – утверждения в форме фактов или мнений, приведенные для обоснования авторского взгляда.

Цель **аргументации** как вида речевой деятельности заключается в воздействии на сознание адресата, в частности - обосновании авторской позиции, путем приведения доводов. Аргументативная часть высказывания содержит утверждения, связанные по смыслу – доводы. Слушатели могут быть знакомы с этими суждениями, а также могут их разделять.

Целью аргументативной деятельности может служить обоснование. Оно включает в себя факты или этические доказательства исходного суждения и направлено на убеждение слушателя в справедливости точки зрения автора. Приводящиеся доводы связаны с посылкой и выводом причинно-следственной связью.

Следует различать обоснование необходимости совершения действий и обоснования неизбежности возникновения ситуации. Во втором случае высказывание, как правило, имеет нейтральный модус, однако может содержать оценки. Высказывания, содержащие обоснование одобрительного отношения к противоправным действиям, имеют пропагандистскую направленность.

Одной из разновидностей обоснования является оправдание какого-либо совершенного действия. Оправдание, содержащее одобрительную оценку действий и личных качеств лица, может использоваться как контраргумент в отношении суждений со значением негативной оценки или обвинения. В качестве доводов могут выступать фактические или этические доказательства. Обоснование поступков лица не всегда содержит их одобрительную оценку: автор может доказывать неизбежность осуществления действий, не выражая своего отношения к ним.

Еще один вид обоснования – обвинение – содержит суждения с негативной оценкой моральных качеств лица или его деятельности, доказательства ответственности объекта за отрицательно оцениваемые поступки или утверждения о совершении им действий, противоречащих закону или приведших к пагубным последствиям.

Посылки и доводы располагаются линейно и объединены имплицативной (мотивирующей или обуславливающей) связью. Так образуется понятийно-риторическая структура, предикативные признаки в которой имплицативно связаны и характеризуют общую тему.

Аргументация может иметь разную структуру. При анализе текстов с признаками убеждения важно обращать внимание на соотнесенность выводов с аргументирующими доводами: сведениями или мнениями о фактах, их эмоциональными оценками.

Выводы в таких высказываниях часто содержат обобщающее мнение в форме волеизъявления (просьбы, требования, обещания, клятвы). Уже на этапе функционально-прагматического анализа следует отделять констатации фактов и их количественные характеристики от эмоционально-оценочных суждений. Необходимо различать сообщение о факте и его модусные характеристики: пропозиция не может иметь целевой установки, даже если в ней содержатся оценки предикативного признака или субъекта.

Смысловое содержание фрагмента, соотносящееся с пропагандистскими и агитационными высказываниями, имеет целью описание понятийно-риторических структур с коммуникативными признаками противоправного действия. Она достигается путём последовательного укрупнения характеристики языковых средств, использованных для выражения мыслительного содержания (начиная с функционально-семантического анализа лексико-грамматических, морфо-синтаксических средств языкового выражения и заканчивая понятийно-риторическим синтезом мыслительного содержания).

В отличие от итоговых призывов к противоправным действиям, умозаключения, логически завершающие высказывания с признаками пропаганды враждебного ненавистного отношения к представителям определенных групп следует исследовать подробно: необходимо установить

функциональную и причинно-целевую зависимость вывода от риторической структуры высказывания.

Прямой агитационный вывод используется в высказываниях, аргументирующих негативные оценки действий всех представителей группы как противоправные и призывающих к осуществлению противоправных действий против них;

Обобщающий агитационный вывод – в высказываниях с эмоциональным оценочным комментарием к фактическому примеру противоправных действий отдельного представителя группы и призывом к противоправным действиям по отношению к любому представителю группы;

Агитационно-пропагандистский вывод из авторской оценки – в высказываниях, содержащих аргументацию негативной оценки личных качеств представителей группы и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности негативного отношения к любому представителю группы;

Агитационно-пропагандистский вывод из авторского отношения – в высказываниях, аргументирующих необходимость, обоснованность противоправных действий по отношению к любому представителю группы;

Прямой пропагандистский авторский вывод – в высказываниях, аргументирующих негативную оценку деятельности представителей группы как противоправной и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности враждебного отношения ко всем представителям группы;

Обобщающий пропагандистский авторский вывод - в высказываниях, содержащих эмоциональный комментарий к фактическим примерам противоправных действий отдельных представителей группы и вывод о необходимости, обоснованности, оправданности негативного отношения к любому представителю этой группы;

Пропагандистский вывод автора по аналогии отношения – в высказываниях, аргументирующих мнения о негативном отношении группе

людей и вывод об обоснованности и оправданности негативного отношения ко всем представителям группы;

Пропагандистский вывод автора по аналогии качества – в высказываниях, аргументирующих негативную оценку личных качеств отдельных представителей группы и вывод об обоснованности и оправданности негативного отношения ко всем представителям группы.

Данная глава диссертационной работы посвящена речевой организации текста и подходу к анализу функционально-прагматического содержания высказываний. На этом этапе работы формируется и описывается понятийный аппарат, необходимый для исследования. В главе приводится методика анализа понятийно-риторических структур и дальнейшего определения прагматических характеристик высказывания (коммуникативных задач, целевых установок). На основе рассмотренных видов языковой информации в тексте, выделены четыре типа речевой интерпретации действительности.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЕ ТИПЫ ПРОПОЗИЦИЙ

2.1 Факт

Прагматическая пропозиция факта имеет форму утверждения – высказывания, отражающего понятийную связь между конкретным объектом и теми его признаками, которые можно установить эмпирическим путем. Утверждение выражается в форме повествовательного (реже восклицательного) предложения и может содержать языковые средства, подчеркивающие достоверность сообщаемых сведений (точно, доподлинно известно и т.п.).

Любое высказывание отражает результаты субъективного восприятия говорящего, но выражаться они могут в форме предположения или в форме утверждения. Факт представляет собой утверждение о событии или явлении, которое воспринимается как реально произошедшее или происходящее в действительности. Участниками описываемой в пропозиции факта ситуации всегда выступают конкретные объекты или их совокупности. Утверждение может сопровождаться информацией о том, что текст отражает субъективную позицию автора.

Факты сообщают о происходящем в объективной действительности: о существовании материальных объектов, об их качественных и количественных признаках, физических характеристиках, о событиях, происходящих в обществе, об изменениях состояния действительности. Силой, осуществляющей эти изменения, обладают одушевленные существа и силы природы. Предикатами факта выступают личные формы глаголов несовершенного вида настоящего и прошедшего времени в изъявительном наклонении, а также личные формы глаголов совершенного вида прошедшего времени в изъявительном наклонении. Значение предикатного признака

зависит от качества источника изменений. В пропозициях с субъектом, обозначающим одушевленный объект, это глаголы со значениями физического действия, воздействия на физические свойства объекта, физиологического состояния, восприятия физических свойств предмета, его положения в пространстве, существования, наименования, перформативности. В пропозициях с неодушевленными синтаксическими субъектами заняты значения глаголов с признаками процесса, функции, местоположения, наличного бытия. Семантические актанты образуют классы в зависимости от онтологических свойств обозначаемых денотатов. В соответствии с этими классами выделяются следующие виды фактов:

- физические факты: действие, воздействие, процесс, положение, состояние объектов;
- логические факты: констатация бытийности, верификация чувственно воспринимаемых свойств, родовидовое определение объектов;
- факты о количественных данных: количественные характеристики объектов;
- социальные факты: результаты определенной чувственно воспринимаемой деятельности людей, которые могут быть обобщены и выражены количественными характеристиками.

Категориально-понятийные характеристики факта ограничены семантической функцией глагола, выступающего выражением предикатного признака актанта. Пропозиция факта содержит преимущественно информацию диктумного характера, т.к. сообщает объективное знание о материально вещественных объектах, которые подчиняются законам бытия и не зависят от воли говорящего. Предикат пропозиции факта постулирует наличие или отсутствие у объекта речи эмпирически проверяемых признаков и предметно-логических связей с другими объектами. Объекты репрезентируются актантами, имеющими материально-вещественные признаки (существование в пространстве, связь с реальным денотатом).

Позиции партиципантов описываемой ситуации замещают понятия, имеющие бытийные признаки. Они выражаются существительными с различными значениями:

- репрезентация и номинация денотатов (имена собственные);
- репрезентация и описание денотатов (имена нарицательные);
- идентифицирующие признаки (временные, пространственные, чувственно, интеллектуально познаваемые признаки).

Сведения, выражаемые в форме факта, могут быть проверены путем эмпирического познания действительности и определены как истинные или ложные. Предикатно-актантные комплексы факта выражают знания, полученные человеком при взаимодействии с окружающей средой и материальными объектами.

Приведем пример: «*В России каждый день похищают и убивают мусульман*». Утверждение о факте представлено в форме обобщенно-личного предложения, актант формально не выражен. Объект действия представлен свернутой пропозицией мусульмане – т.е. люди, исповедующие ислам. Глагол, выражающий предикат, имеет семантический ограничитель на качество опущенного актанта – он должен обозначать одушевленный объект. Выявляя семантическую структуру предложения, получаем пропозицию: В России каждый день кто-то похищает и убивает мусульман. Высказывание можно истолковать двумя способами:

1) «В России каждый день кто-то похищает, а затем убивает мусульман». В этом случае глагол похищает обозначает обстоятельственный признак действия «тайно выкрасть, вывезти».

2) Глаголы *похищает* и *убивает* могут интерпретироваться как два отдельных предиката: «В России каждый день кто-то похищает мусульман» и «В России каждый день кто-то убивает мусульман».

Утверждение имеет пространственные и временные характеристики: в России (на территории государственного образования Российская

Федерация), каждый день (действие повторяется раз в сутки). Таким образом, представляется возможным установить истинность или ложность утверждений о месте, частоте повторяемости действий, о фактах убийств и принадлежности убитых к исламу. Утверждение о похищениях является мнением.

В зависимости от семантики глаголов в позиции предиката пропозиции фактов могут быть нескольких типов:

- физический факт (действия, процессы, имеющие определенные темпоральные и локативные признаки);
- социальный факт (ситуации, происходящие в результате взаимодействия людей, имеющие определенные темпоральные и локативные признаки);
- экзистенциальный факт (сообщение о существовании объекта и наличии у него конкретных вещественных признаков);
- информационный факт (сообщения о сказанном, оглашенном, решенном конкретным лицом);
- количественный факт (количественные сведения об объектах действительности).

Утверждение о факте всегда отсылает к частному случаю и содержит конкретные предикатные признаки и актаны. Это свойство позволяет использовать факты в качестве примеров, образцов, иллюстраций. Также факт может выступать информационным поводом и темой высказывания. При этом целевой установкой является сообщение авторских комментариев.

Пример: *«За последние 20 лет татарский язык забыло порядка 20% татар, численность татар сократилась на 8%. Мы считаем, что эти процессы нельзя обернуть вспять без такого мощного инструмента, как татарская государственность»*. Фактические данные в виде статистики из первого предложения являются информационным поводом для выражения говорящим собственного мнения во втором.

Возможность верификации фактов не исключает возможности наличия в языковых средствах коннотативных значений, которые может использовать говорящий для выражения личного отношения к сообщаемым сведениям.

Для того чтобы верно определить целеустановку всего высказывания, необходимо учитывать контекст, в котором сообщается факт, его связь с авторскими замечаниями и содержащимися в них модусными компонентами.

Не вся информация, имеющая внешнюю форму фактической, является таковой. Сведения, зафиксированные как отражение действительности и воспринятые слушателем как объективная характеристика реальных событий, могут принадлежать мыслимой реальности говорящего, принципиально отличной от мира, существующего вне сознания. Для слушателя распознавание сообщения есть результат когнитивной атрибуции и прагматической интерпретации языковых средств, использованных в тексте. С помощью этих процедур выделяются и верифицируются факты, сопоставляются и сравниваются с собственным опытом услышанные оценки, мнения, анализируется необходимость принятия к сведению или исполнения волеизъявлений говорящего.

Верификация факта является специальной процедурой, выходящей за пределы лингвистического исследования. Лингвист обязан установить наличие в высказывании констатирующих утверждений, которые имеют языковые свойства факта, а подтвердить их соответствие действительности должен специалист в той области, к ведению которой относятся эти факты (исторические, социальные, религиоведческие, психологические, политические и т. п.).

2.2 Мнение

Маркерами мнения в тексте являются языковые единицы с модальным значением (сомнение, неуверенность, предположение, допущение,

возможность, оценка степени достоверности сообщения и т.п.) и частицы со значением возможности, условности, допущения, предположения, сомнения. Глагольные формы в позиции предиката не имеют ограничений по виду, времени и наклонению. Предикатным ядром пропозиции мнения часто служат глаголы со значением ментально-интеллектуальной деятельности.

Мнение формируется только в человеческом сознании и представляет собой его реакцию: получая какую-либо информацию об окружающем мире, человек интерпретирует ее, пропуская через призму своих взглядов, ценностей, представлений, сопоставляет с данными своего личного опыта, т.е. совершает интеллектуальные действия, результатом которых и является мнение. Оно содержит выводы, обобщения впечатлений от фактов, в общем, то, как человек воспринимает и оценивает описываемую часть реальности. С помощью мнений автор сообщает об интеллектуальном, ментальном, этическом, эстетическом отношении к происходящим в мире изменениям.

Выражение мнения предполагает ссылку на человека, чьи взгляды оно выражает. Об этом сигнализируют вводные конструкции, сообщающие, что высказывание содержит субъективную оценку автором фактических данных. В случае отсутствия подобных уточнений, адресат сообщения может воспринять информацию как фактическую.

В отличие от факта, который является относительно независимым риторическим компонентом высказывания, субъективное мнение нуждается в аргументации. Автор приводит доводы в поддержку своей позиции, а слушатель, соотнося эти сведения с собственным опытом и известными ему правилами языка, законами природы и нормами социума, рационально анализирует связь между смысловым содержанием мнения и аргументами.

Мнение не может быть проверено на истинность, но может быть подтверждено или не подтверждено фактами и явлениями действительности. Оно описывает не реальный мир, а его образ в сознании автора высказывания. Мнение – это всегда оценочное умозаключение, которое

обобщает ментальные, чувственные и этические результаты восприятия информации говорящим.

Предикатами в пропозиции мнения являются глаголы со значениями ментально-интеллектуального действия, эмоционального состояния, сравнения, предположения. Актантным понятиям приписаны признаки, связанные отношениями причинности, детерминированности, обусловленности. В составе понятийно-риторической конструкции мнение имплицитно связано с другими субъективными суждениями, фактами и элементами объективного знания. Знания человека, отраженные в пропозиции мнения, основаны на освоении им моральных, нравственных норм, ценностей, законов и правил здравого смысла. Предикатный признак мнения постулирует наличие или отсутствие ментально-модальной связи между носителями материально-вещественных признаков понятий, их качественными характеристиками, между ментальными понятиями. Наличие связи подтверждается или опровергается в результате формально-логического сличения и соотнесения сообщаемой информации с индивидуальным опытом слушателя. Актантами пропозиций мнения могут выступать понятия с денотатными и сигнификатными свойствами. Актантами с сигнификатными свойствами могут быть:

- существительные с характеризующей функцией значений понятийных признаков;
- существительные с экстенционально-предикатными значениями понятийных признаков;
- существительные, обозначающие отвлеченные (нереферентные) понятийные признаки.

Мнение выражает субъективное знание о действительности, которое подчиняется законам бытия частично, будучи опосредованным личным опытом взаимодействия автора высказывания с миром. С информацией

такого рода слушатель может согласиться или не согласиться в зависимости от своих собственных взглядов.

Мнение может иметь форму предположения или утверждения. Мнение в форме предположения распознается по наличию определённых слов и конструкций (например: по моему мнению, мне кажется, я считаю, возможно, что и др.). Форма предположения служит для выражения неуверенности в достоверности сведений или правильности выводов. Мнение в форме утверждения не содержит подобных формул. Степень соответствия действительности таких утверждений можно проверить опытным путем.

Мнение нельзя верифицировать, однако можно проверить путем сопоставления с реальным положением дел. Мнение может быть основано на фактах (в отличие от домысла) и содержать их оценку. Таким образом, информация, содержащаяся в структуре мнения, делится на две составляющие: объективные сведения о реальных объектах и их свойствах имплицитивно связаны с оценочным суждением. Авторские субъективные комментарии характеризуют описываемый фрагмент действительности, присваивая ему место на шкале «хорошо-плохо» (в зависимости от критерия, лежащего в основе, возможны частные варианты: удобно-неудобно, красиво-некрасиво, справедливо-несправедливо и т.д.).

Человек может оценивать факты рационально или интуитивно, соответственно, его мнение может быть обоснованным или необоснованным. Необоснованное мнение формируется в сознании человека эмоционально или ассоциативно, без анализа причин и предпосылок. Обоснованное мнение поддерживается аргументацией, призванной помочь слушателю проследовать мыслительным путем говорящего и сделать те же выводы. Адресат может рационально оценить достаточность аргументации и наличие логической связи в умозаключении автора. Слушатель может проверить эмпирически только фактическую диктумную информацию, с субъективной частью высказывания он может только согласиться или поспорить. Наличие

аргументационной базы, однако, не гарантирует справедливости мнения. Если мнение опирается на совокупность намеренно подобранных фактов, его можно считать предвзятым. Вывод, содержащий мнение, может быть ложным в силу нарушения логических связей в построении высказывания:

- одно из логически предшествующих ему утверждений о фактах не соответствует действительности;
- ошибочна сама логика рассуждений (факты изложены достоверно, но такой вывод на их основании сделать нельзя).

Тесное взаимодействие двух принципиально различных видов информации позволяет проверить на соответствие действительности только содержание диктума.

Пример: «16 сентября в Дагестане был расстрелян наш брат Хаппаев Абдулла за искренний призыв словом к исламу». Высказывание содержит фактическую информацию, которую можно проверить:

- 1) Хаппаев Абдулла был расстрелян;
- 2) Хаппаев Абдулла был расстрелян на территории Дагестана 16 сентября;
- 4) призыв был осуществлен в вербальной форме.

Информация о том, что причиной расстрела явился именно призыв к исламу, носит характер мнения и, как и оценочный компонент значения (*призыв* говорящий оценивает как «выражающий подлинные чувства, правдивый, откровенный») верификации не подлежит. Однако важно отметить, что для интерпретации предложения необходимо уточнить контекстное значение понятия *ислам*: оно может обозначать традиционное мусульманское учение или радикальную ветвь (ваххабизм).

В некоторых случаях различить факт и мнение возможно, только принимая во внимание контекст высказывания. Например, фраза «X – дебил» может расцениваться как утверждение о факте, если под этим понимается, что X страдает определенной формой олигофрении. Если же речь идет об

умственных способностях и сообразительности X, то такое высказывание является выражением оценочного мнения.

Мнение о человеке, его деятельности и поступках, личных и профессиональных качествах, может быть выражено в грубой, неприличной, циничной форме. Такие высказывания могут быть квалифицированы как оскорбление или распространение порочащих сведений, умаляющих человеческое достоинство. Для того чтобы сделать верные выводы о характере таких суждений, необходимо верифицировать объективную часть информации, которая, как правило, является обоснованием оценочного суждения. Пример: *«И в это самое время наши (теперь уже бывший) президент Янукович раздавал медали спецназначенцам, доблесть которых заключалась лишь в том, что они налетали стаями (по пятеро на одного) и калечили молодых людей, сохранивших достоинство и гордость за свою страну. И после этого Ваша страна называет этого с позором бежавшего ворюгу и выродка легитимным президентом».*

Мнение в форме предположения может иметь характер сомнения: говорящий сообщает о своей неуверенности в достоверности сообщаемой информации. Напротив, форма риторического вопроса позволяет представить сообщаемые сведения как нечто очевидное, известное. В таком случае вопросительное по типу предложение репрезентирует информацию в форме утверждения. Например: *«Как может государство, призванное защищать и оберегать свой народ, способствовать добру и благоденствию, разрешать то, что уничтожает людей, приводит их к асоциальным и деструктивным действиям?!»*

Мнение может быть выражено в отношении ментальных предикатных признаков субъекта пропозиции. Кратко разберем пример: *«На наших глазах Россия переживает духовное возрождение».* В этом предложении утверждается наличие связи между объектом «Россия» и существительным с ментальным значением «обновление, подъем сил», с характеризующим

признаком *духовный* (возможны два толкования: «нематериальный, бестелесный» и «религиозный, имеющий отношение к церкви»). Предикатная связь имеет значение «испытывать что-либо». Пропозицию объединяет агент со значением «люди, населяющие Российскую Федерацию», который содержится в метонимическом переносе в слове «Россия» (административно-территориальный объект – люди, населяющие этот объект), в субстантиве *возрождение* и в актантных семантических признаках значения глагола *переживать*. Субъектом пропозиции являются «граждане России», объектом пропозиции является субстантив «обновление, подъем сил». Основная пропозиция этого предложения: все граждане России испытывают подъем сил и новый расцвет, связанный с духовной сферой. Говорящий приписывает это ментальное состояние всем без исключения гражданам России, следовательно, такое утверждение следует расценивать как выражение мнения.

Если субъект пропозиции характеризуется предикативным признаком со значением эмотивного предпочтения, то такая пропозиция также является мнением – мнением о преференции. Например: «Наши люди предпочитают путинскую власть, хоть она неизменно их обворовывает». Автор мнения приписывает предикативный признак всему классу материально-вещественных объектов (*наши люди предпочитают путинскую власть* т.е. все люди, которых говорящий относит к одной группе с собой, но не указывает общий признак), или приписывает нереферентному актанту предикативный признак как неизменное атрибутивное качество (например: *путинская власть неизменно обворовывает наших людей*).

Мнение может быть выражено по отношению к содержанию ментального субъекта пропозиции в сочетании с мерой и качеством проявления предикативного признака. Приведем пример: «*Понятие «национализм» настолько ложно вдолблено в наши головы, что уже*

неосознанно воспринимается как вызов другим народам, как покушение на их национальный суверенитет, как объявление войны другим народам».

Выделим основные структурные части предложения:

- понятие настолько ложно вдолблено в наши головы, что – изъяснительный союз
- понятие уже неосознанно воспринимается как содержащее вызов другим народам;
- понятие уже неосознанно воспринимается как содержащее покушение на их национальный суверенитет;
- понятие уже неосознанно воспринимается как содержащее объявление войны другим народам.

Автор выражает свое мнение по поводу содержания понятия «национализм». Он утверждает, во-первых, что кто-то заставил всех людей усвоить понятие «национализм» с «ложными» (т.е. ошибочными, неправильными) признаками, во-вторых, эти признаки воспринимаются как *вызов другим народам, покушение на их национальный суверенитет, объявление войны другим народам.*

В пропозиции мнения часто используются актанты (и партиципанты) с модусом эмоциональной оценки, а также предикатные признаки, содержащие модусный компонент. Например: *«Мы не будем ждать, пока жидовские морды развалят нашу страну до основания!».*

В убеждающих высказываниях пропозиции мнения используются для пропаганды взглядов автора. Рассмотрим пример, в котором признаки объекта интерпретируются как уникальные: *«Светлана Пеунова - единственный народный лидер, который действительно защищает народ и отважно сражается с хладнокровными убийцами».*

Разберем пример, в котором предикатный признак устанавливает связь между предметными нереперентными понятиями: *«Я разделяю русских людей и кацапов. Русский – это брат украинца. Кацап – это существо*

омерзительно, несущее в наш мир только злобу и ненависть». Говорящий приписывает неререферентным группам признаки, которые уподобляются качественным, и на их основе проводит категоризацию: *русским* признается только тот, кто для украинца является «близким, единомышленником». Однако наименование *кацап* также обозначает лицо русской национальности и содержит негативное, презрительное модусное значение. Объект, выраженный этим понятием, характеризуется говорящим как вызывающий отрицательные эмоции, проявляющий агрессию и ненависть. Другими словами, автор высказывания разделяет «хороших русских» и «плохих русских», при этом в основании классификации лежат разные признаки: отношение к лицам украинской национальности в первом случае, и отрицательные личные качества во втором. Объединение понятий по интегральному признаку без учета различий в классификационных основаниях их дифференциальных признаков также является одним из манипулятивных приемов убеждающего воздействия, прагматическую цель использования которого можно установить при анализе полного композитного высказывания.

С.А. Кузнецов выделяет разряд фактоидов как разновидность мнения, в котором содержится обобщение, сделанное на основании опыта говорящего. «Вместо конкретности очевидного в фактоиде используется узнаваемая наглядность повторяющегося, поэтому в убеждающих высказываниях они часто используются вместо фактов». [Кузнецов, 2014, 180]. Содержание фактоида нельзя верифицировать, но можно оценить степень вероятности его соответствия реальному положению дел. Актанты либо не имеют денотативного значения, либо неререферентны материально-вещественным объектам. Если фактическая информация в ходе передачи сообщения интерпретируется говорящим, или автор высказывания намеренно снимает с себя ответственность за истинность сообщаемых сведений, такое утверждение также становится фактоидом:

- с обобщающими свойствами, если признаки, характеризующие участников конкретного события, обобщаются до уровня признаков, характеризующих всех представителей референтного класса и т. п.

- с концептуальными свойствами, если признаки, характеризующие несколько разрозненных событий, обобщаются и представляются как закономерность, получающая логико-аналитическое теоретическое объяснение. Утверждения, содержащие языковые средства со значением мнимости, неуверенности, неточности, сомнения (частицы, формы сослагательного наклонения) также относятся к разряду фактоидов. Например: *«Вот и выступают депутаты от «Единой России», что в Петербурге, что в российском парламенте, иницируя и принимая бредовые законы»*. В презумпции этого предложения утверждается, что существует партия «Единая Россия», город Петербург и российский парламент. Партию представляют депутаты, которые занимаются законотворческой деятельностью в указанных локациях. Вся эта информация является фактической и поддается верификации. Однако, результат этой деятельности – *законы* – говорящий оценивает как «нелепые, вздорные, лишённые разумного основания». Данное высказывание является фактоидом, т.к. представляет собой мнение, содержащее фактическую общеизвестную информацию, под прикрытием которой говорящий вводит в конце предложения субъективную оценку.

2.3 Оценка

Предикативный признак пропозиции оценки устанавливает или отрицает наличие определительной связи между актантом и ментально-качественным признаком. Пропозиция оценки содержит в диктумной части объективную информацию об объектах действительности. Кроме того, оценочные высказывания имеют экзистенциальные пресуппозиции, в

которые «зашило» утверждение о существовании предмета речи, и которые отличают оценку от мнения. Модальную часть высказывания составляют субъективные суждения о свойствах предмета речи. Пропозиция оценочного суждения связывает объективные сведения с интерпретирующей информацией, которая сообщает о положительном или отрицательном отношении говорящего к предмету речи. Объекту приписывается качественная характеристика, которая уподобляется его имманентному свойству. Автор проводит сопоставление значений признаков нескольких понятий, которые могут быть схожими или различными.

Оценочное суждение не описывает объект, а выражает субъективное видение его говорящим. Дж. Р. Серль в работе «Классификации иллокутивных актов» пишет: «Цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить и т.п.» [Серль, 1976: 183].

Любые свойства объекта могут быть оценены, и оценка зависит от мировоззрения говорящего, его представлений, идеалов, опыта. Она представляет собой обобщение впечатлений от полученной информации об окружающем мире, поэтому неотделима от реальных признаков предмета речи.

В общем виде шкала оценок имеет негативный и позитивный полюсы, соотносящиеся с признаками «плохой» и «хороший». В зависимости от качеств оцениваемого объекта можно выделить следующие разновидности:

- рациональные шкалы: «разумный/неразумный», «обдуманый/необдуманый»;
- утилитарные шкалы: «полезный/вредный», «удобный/неудобный», «выгодный/невыгодный», «приятный/неприятный»;

- эстетические шкалы: «красивый/уродливый», «архаичный/современный», «оригинальный/вторичный», «хаотичный/гармоничный»;

- социальные шкалы: «свой/чужой», «бедный/богатый»;

- этические шкалы: «благородный/аморальный», «приличный/неприличный», «уместный/неуместный», «справедливый/несправедливый» и т. п.

Каждая из шкал может иметь подвиды. Например, в этических шкалах можно выделить:

- юридическую шкалу: «легальный/нелегальный»; «законный/незаконный»;

- моральную шкалу: «благородный/ аморальный», «приемлемый / недопустимый» и т. п.

Некоторые шкалы могут дополнительно иметь модальное значение степени проявления признака. Часто они выражаются определениями: очень/не очень, максимально/минимально, крайне, чрезвычайно и пр.

Некоторые оценки могут быть проверены эмпирически, что позволяет им входить в состав пропозиционального значения. Например, шкалы приблизительной оценки относительно среднего значения:

- шкалы оценки чувственно определяемых признаков: «горячий/холодный», «твердый/мягкий», «пресный/соленый», «яркий/темный»;

- количественные шкалы: «много/мало», «высокий/низкий», «быстрый/медленный», «далекий/близкий», «широкий/узкий» и т. п.

Непосредственная оценка имеет формулу «Объект – плохой/хороший». Вероятностная оценка содержит вводные конструкции с глаголами ментальной сферы «Я думаю/считаю/полагаю/верю, что объект плохой/хороший». В обоих случаях оценочные суждения могут иметь фактическое обоснование, выражаемое, как правило, придаточным

предложением со значением причины. Если в качестве аргументов при оценке лица, говорящий приводит факты о конкретных поступках, иллюстрирующих его мнение, эта информация может быть проверена, и мнение будет подтверждено или оспорено. При этом отрицательные оценки имеют больше семантических валентностей, чем положительные. Ср. «*Этот суп невкусный. – Почему? – Потому что он пересолен*» или «*Этот суп вкусный*».

Оценка может представлять содержать прямое сопоставление с другими объектами: «В отличие от объекта 1, объект 2 плохой/хороший». Рассмотрим пример сопоставления признаков объектов: «*Евреи – это чума общества*». Здесь сопоставляются формально несхожие понятия, при этом отличительные этические признаки еврейской нации уподобляются отрицательным утилитарным (качественным) признакам болезни (чумы).

В некотором смысле любая оценка содержит сравнение. Объектом для прямого сопоставления может служить реально существующий предмет. Однако даже если высказывание не содержит эксплицитных признаков формулы сравнения, оцениваемый объект сопоставляется с неким эталоном, идеалом. Т.к. в структуре оценки для сравнения используются признаки из модусной части значения актантов, их схожесть или различие невозможно подтвердить опытным путем, что придает таким высказываниям богатый речеводействующий потенциал.

Оценка как вид мнения является одним из основных приемов убеждающего воздействия. Например: «*Президента России и его аппарат мы считаем орудием для реализации планов Госдепа по истреблению русской нации!*». Здесь представители государственной власти сравниваются со средством, назначением которого является осуществление *планов Госдепа по истреблению русской нации*. В пропозиции мнения отражен предикатный признак, который приписывается президенту России и сотрудникам Аппарата

Президента: осуществлять планы Государственного департамента США по уничтожению людей русской национальности.

Резкая отрицательная оценка лица часто выражается с использованием слов и выражений, которые относятся к разговорным, грубым выражениям. Также отрицательная оценка может иметь форму сравнения лица с какой-либо фигурой, известной своими общественно порицаемыми качествами и поступками, и выявлением их схожести. Такие оценки наносят ущерб профессиональной репутации характеризуемого лица.

Пример: *«Гитлеровский министр Геббельс хватался за пистолет, когда слышал слово «культура», а наш министр, слыша это слово, хватается за финансовую удавку, каковой является принятый закон».*

Для оскорбления обязательна оценка, выраженная в неприличной форме: откровенно циничная, выходящая за рамки социально приемлемого способа общения. Неприличная форма выражается в использовании бранной, обценной лексики». Оскорблению как виду речевой деятельности посвящены работы О.С. Иссерс [Иссерс, 1999], Г.В. Кусова [Кусов, 2005], О.В. Саржиной [Саржина, 2007] и других ученых.

Максимум контекстной зависимости делает оценку одним из наиболее трудно определяемых типов прагматического значения. Оценочные значения можно интерпретировать правильно только обладая необходимой прагматической компетенцией, т.к. оценка зависит от ценностной системы говорящего, культурных и социальных норм общества. Оценка – наиболее яркий представитель прагматического значения: мир представляет собой среду для существования человека, определенную часть которой человек способен воспринимать, а значит оценивать. Значение оценочных предикатов принадлежит прагматике речи посредством связи с эмоциональной сферой говорящего и с коммуникативной целью высказывания. Оценки предназначены для воздействия на адресата, они призваны создать в сознании слушателя определенное психологическое состояние. Между

мотивом оценки и самой оценкой нет ни каузальных, ни логических отношений, но они находятся в постоянном взаимодействии в человеческом сознании. Критерии оценки могут быть оформлены в тексте виде придаточных предложений со значением причины, однако сама оценка не имеет причины, но ее мотивы могут быть осмыслены как причины для формирования мнения.

2.4 Волеизъявление

Значение волеизъявления изначально связывалось с повелительным наклонением глагола. Позже были выделены функциональные типы предложения: повествовательное, вопросительное, восклицательное, и побудительное, содержащее пропозицию волеизъявления. Из всех возможных форм языкового выражения, включающих в себя модальные слова и частицы, формы будущего времени, косвенные вопросы и многие другие вещи, ядром для отражения императива остается глагол в формах повелительного наклонения.

Для волеизъявления характерно то, что предикатный признак не осуществлен фактически. Высказывание содержит только мнение говорящего о необходимости его реализации или нереализации. Например: *«Арабы должны жить в Аравии, мусульмане – в мусульманских странах, христиане – в христианских. Надо, чтобы все жили с равными и подобными себе. Надо, чтобы христиане жили с христианами».*

В волеизъявлении могут использоваться формы будущего времени. С их помощью автор выражает степень уверенности в осуществлении предикатного признака. В качестве примера приведем высказывание *«Чувашия будет белой или безлюдной!».*

Инклюзивные формы повелительного наклонения используются для призыва адресата к совместному действию с говорящим: «*Очистим СМИ от смрада, нечисти и оболванивания!*».

В качестве языковых форм волеизъявления рассматриваются также регулятивные суждения: призывы, лозунги, девизы, идеологемы. Они существуют в культурной парадигме общества, отражая опыт социального взаимодействия людей. Подробно речевой акт призыва в аспекте лингвистической экспертизы описан в [Баранов, 2007].

В данной главе работы подробно рассмотрены и описаны функционально-понятийные типы пропозиций: факт, мнение (фактоид), оценка, волеизъявление. Для каждого типа определены способы выражения участников предикатно-актантных комплексов, свойственные им виды значений и связей. Описание сопровождается примерами из текстов, анализом отдельных высказываний.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В предыдущих главах работы были изложены теоретические основания выделения функционально-понятийных типов пропозиций, а также рассмотрены такое явление, как коммуникативная направленность текста. На практическом этапе работы перед нами стоят следующие задачи:

- исследовать и классифицировать предоставленные материалы на основании их основной темы;
- подобрать наиболее репрезентативные в аспекте исследования тексты;
- подробно проанализировать характерные фрагменты текстов и на их примере продемонстрировать методику вскрытия пропозиций и интерпретации их смыслового содержания;
- на основе выполненного разбора, определить риторическую структуру фрагментов, определить коммуникативные задачи и цели для фрагмента и текста.

Общее описание материалов. В настоящей главе представлены результаты работы с 467 текстами, направленными в Центр Экспертиз СПбГУ для проведения исследований на предмет наличия в них признаков противоправных речевых действий.

Структура материалов неоднородна: многие из них содержат видеозаписи, аудиозаписи, графические изображения. Встречаются тексты различных видов: публикации в СМИ, письма, обращения, записи и комментарии в блогах, группах и на личных страницах в социальных сетях, печатные издания, включающие в себя книги, брошюры, листовки и т.д. Материалы могут относиться к различным стилям и представлять собой стихи, тексты песен, лекции, официальные обращения и др.

В результате тематической классификации были выделены следующие группы:

- тексты, содержащие оценки лиц по признаку национальности;
- тексты, содержащие оценки лиц по признаку отношения к религии;
- тексты, содержащие оценки лиц по признаку принадлежности к социальной группе;
- тексты, содержащие признаки порочащей информации;
- тексты, содержащие признаки сведений клеветнического характера;
- тексты, содержащие оценку лица в форме оскорбления;
- тексты документов, содержащие смысловую неоднозначность.

Многие материалы можно отнести сразу к нескольким группам: одно высказывание может содержать оценки лиц, исходя из их принадлежности к определенной национальности и религии. Однако стоит строго различать тексты, содержащие оскорбления в адрес должностных лиц, и тексты, содержащие призывы к насильственному захвату власти. Информация клеветнического характера отличается тем, что содержит заведомо ложные сведения, отрицательно характеризующие лицо. Порочащая информация может быть истинной, по крайней мере, в представлении говорящего.

Из каждой тематической группы были выбраны текстовые фрагменты для более подробного анализа содержания. Исключение составили документные тексты, содержащие неоднозначные формулировки, т.к. они не представляют интереса для данного исследования.

3.1 Анализ текста, содержащего оценки лиц по признаку национальности

Содержание исследования

Материалы: текст объемом 7 листов с заголовком *«Шамиль Басаев был прав (точка зрения)»*, размещенный в сети Интернет. Был опубликован 21 марта 2014 года на сайте <http://argumentua.com>. В начале материала автор предупреждает читателей: *«Этот пост будет очень злым»* и объясняет это тем, что украинцы долго молчали, чтобы не обидеть русских. Далее приводится цитата, которая приписывается Шамилю Басаеву: *«Ваша великорусская мечта – сидя по горло в дерьме, затащить туда всех остальных. Это и есть русизм»*. После этого следует основное содержание материала. Автор, отмечая, что не будет *«обижать весь народ»*, разделяет *«русских людей и кацапов»*: *«Русский – это брат украинца. Кацап – это существо омерзительно, несущее в наш мир только злобу и ненависть»*. При этом к *«кацапам»*, которым приписывается невежество, пьянство, воровство и нищета, автор относит людей, поддерживающих Путина, Жириновского и Зюганова. В тексте резко критикуются действия и решения политического руководства России, в частности, автор обвиняет Россию в агрессии против Украины, оказании помощи врагам Украины. Далее в тексте дается негативная оценка жителям страны, которые создают большинство поддержки действующей российской власти. Население России характеризуется как *«жалкий народец»*, *«ничтожный народец»*, *«завистливый»*, *«варвары»*. Российское население сравнивается с американцами и европейцами, при этом постоянно подчеркиваются негативные характеристики россиян и достижения, успехи других народов. Автор особое внимание уделяет оценке взаимоотношений России и Украины, обвиняет российское руководство в недобросовестности и шантаже при поставках газа, в военной агрессии, необъективности при освещении политического кризиса на Украине. В заключении высказывается мнение, что Президент РФ В.Путин манипулирует российским народом, так как якобы грабит страну и при этом сохраняет высокий рейтинг поддержки населения.

После основного текста содержится пометка «*Публикуется с сокращениями*» и предположительно указан автор «*Алексей Заводнюк*».

Фрагмент 1

«Проклятая страна, убогие люди. Проходят столетия и ничего не меняется. Тот же народ, те же грабли, то же убожество».

Анализ фрагмента

В первом предложении автор дает оценку всем представителям русской национальности. Существительное *страна* имеет несколько значений. В данном случае можно считать, что оно обозначает государственное образование во всех его аспектах: территория, население, имущество, культура и пр. Этому понятию приписывается признак с негативным оценочным значением: *проклятый* – «ненавистный, проклинаемый». Признак *убогий* («крайне бедный, нищенский, немощный») характеризует актант *люди*. В контексте предложения ясно, что он отсылает к группе «население страны Российская Федерация». Далее автор выражает мнение: «*Проходят столетия и ничего не меняется*». Это предложение поясняется следующим: «*Тот же народ, те же грабли, то же убожество*». Семантически это одно утверждение, в котором автор описывает, что именно не меняется с ходом времени: *народ* («представители русской национальности»), *грабли* («часть фразеологизма ‘наступать на одни и те же грабли’», т.е. неизменными автор считает неверные с его точки зрения поступки, ошибки) и *убожество* «крайняя нищета». Таким образом, высказывание представляет собой оценочное мнение о России и русском народе, которым приписывается признак убожества в качестве постоянного, неизменного с течением времени.

Фрагмент 2

«Нация бездарей, которое кроме пьянства и разбоя больше ничего ни умеет делать. Жалкий народец. Завистливый. С черной, мстительной душонкой».

Анализ фрагмента

Автор характеризует всех представителей русской нации как *бездарей* («ничтожество, бесталанный человек»), и утверждает, что они не способны ни на что, кроме употребления алкогольных напитков и осуществления нападений с целью хищения имущества и применением насилия. Далее понятию *народец*, обозначающему всех представителей русского народа, приписываются негативные оценочные характеристики *жалкий, завистливый*. Автор заявляет, что у всех представителей русской национальности «*черная, мстительная душонка*», т.е. они имеют склонность к низким, предосудительным поступкам и завистливый характер. Текст содержит существительные с пренебрежительным оттенком значения, формально выраженным с помощью суффиксов: *народец, душонка*.

Фрагмент 3

«А теперь кацапы, как ничтожнейшие создания, платят черной неблагодарностью за все хорошие дела, что сделали им немцы и американцы в начале 90-х. Не будь западной помощи, не было бы уже давно России».

Анализ фрагмента

Автор сообщает, что группа людей, обозначаемая существительным *кацапы* (пренебрежительное наименование человека русской национальности), осуществляет по отношению к немцам и американцам линию поведения, которую автор описывает словосочетанием *черная неблагодарность*. В предложении содержится информация о действиях, совершаемых в начале 90-х представителями немецкого и американского народов по отношению к русским. Автор характеризует эти действия как *хорошие дела*, т.е. дает им прямую положительную оценку. Далее он высказывает мнение о том, что Россия обязана своим существованием помощи, поступавшей от стран Запада. В связи с этой ситуацией *кацапы* сравниваются с *ничтожнейшими созданиями*. Высказывание содержит

множество оценочных суждений, которые основаны на сведениях, не поддающихся верификации.

Выводы по фрагментам

В приведенных фрагментах содержится обобщенная негативная характеристика российского населения, высказывается мнение о его неспособности к созидательной деятельности. Автор использует унижительные и оскорбительные характеристики жителей России, обвиняет россиян во враждебном отношении к другим народам, в том числе к украинцам. В качестве причин агрессии и враждебности российского населения называются зависть и мстительность, ощущение собственной неполноценности.

Общие выводы исследования

Целевая установка представленных на исследование материалов – пропаганда негативного отношения к России, критика деятельности российского политического руководства и населения страны, которое его поддерживает.

Для реализации этой целевой установки решаются следующие **коммуникативные задачи**:

- 1) обвинение российского населения, поддерживающего действующую власть, в невежестве и бедственном положении государства;
- 2) критика деятельности российского руководства, обвинение Президента РФ В.Путина в манипулировании населением;
- 3) сравнение российского населения с другими народами для негативной характеристики россиян и контрастного выделения достижений, успехов других народов;
- 4) обвинение российского населения во враждебном отношении к другим народам.

3.2 Анализ текста, содержащего оценки лиц по признаку отношения к религии

Содержание исследования

Материалы: статьи *«Они становятся пособниками врагов России»*. Автор материала – иерей Алексей Мороз. Статья опубликована 7 мая 2014 года на страницах интернет-портала «Русская народная линия».

В представленном на исследование материале содержится текст интервью, данного Алексием Морозом «Русской народной линии», в котором он комментирует предстоящий 10 мая 2014 года в Санкт-Петербурге в клубе «Зал ожидания» концерт польской блэк-метал группы «Бегемот» («Behemoth»). Комментарии Алексия Мороза были вызваны ответом заместителя главы Комитета по культуре Санкт-Петербурга Ю.В. Васютиной на открытое письмо координатора Союза православных братств Юрия Агещева, где он обращался в Комитет с просьбой предпринять меры для отмены предстоящего концерта группы «Бегемот», который *«пройдет на Пасху и будет называться «Сатанист»*. В ответном письме Комитета говорится, что *«Комитет не вправе отменить намеченный концерт, т. к. вопросы организации и проведения частных мероприятий не входят в его компетенцию»* и *«что организаторы концерта сатанинской группы ввели ограничения по возрасту (18+) с целью недопущения на мероприятия несовершеннолетних»*.

Главной целью автора материала является передать слушателю сообщение о том, что население России, в основном представителей молодежи, необходимо ограждать от творчества таких музыкальных групп, как польская группа «Бегемот», которое противоречит идеологии христианства и несет вред развитию молодых людей: *«Эта антихристианская музыкальная группа проповедует идеи оккультизма, зла, разрушения, убийства и насилия! Подобное воздействие на умы молодых*

людей крайне сокрушительно! Ведь молодежь и так зомбирована через современные СМИ агрессией, установкой на беспорядочные половые связи. Присутствуя на таких концертах, молодежь оголяет свои души для воздействия падших духов!» В сообщении автора содержатся негативные высказывания и эмоционально-экспрессивные фразы, цель которых – выработка в аудитории мнения в справедливости рассуждений автора.

Автор пытается убедить слушателя в том, что в исполнителей группы «Бегемот» вселились «демонические силы», которые «являют себя через слова и бесовскую энергетику». По мнению автора, участники группы могут иметь значительное воздействие на психику и душевное состояние тех, кто слушает их песни и ходит на их концерты: *«Люди, пришедшие на этот сатанинский шабаш, поддаются под большое влияние дьявола, становясь проводником сатанинских сил и действий в нашей стране».*

Далее Алексей Мороз сравнивает предстоящий концерт группы «Бегемот» с современными событиями в Украине, называя волнения в этой стране «шабашем», «беззаконием», вызванным манипуляционными воздействиями СМИ и насаждением антирусских настроений в подсознание людей: *«Наши враги жаждут проделать такой трюк и с российской молодежью! Такие оккультные демонические музыкальные группы, как «Бегемот», являются прекрасным инструментом для подготовки всероссийского шабаша».*

В своем интервью автор осуждает поведение отдельных государственных чиновников, которые бездействуют и не препятствуют проведению в России таких мероприятий, как концерт музыкальной группы «Бегемот», и тем самым способствуют их вредоносной деятельности: *«Как может государство, призванное защищать и оберегать свой народ, способствовать добру и благоденствию, разрешать то, что уничтожает людей, приводит их к асоциальным и деструктивным действиям?! Таким чиновничьим решение наносится огромный вред нашим согражданам и*

российскому государству». Алексей Мороз утверждает, что сотрудники Министерства культуры бездействуют, в то время как у них, по мнению автора, есть все возможности, чтобы предотвратить деятельность таких групп на территории Российской Федерации: «Когда Минкульту что-то не нравится, то можно отыскать множество рычагов воздействия. Позвонить директору клуба и заявить: «Это действие не должно быть санкционировано!» А ежели дирекция не прислушивается к голосу государства, то пусть ожидает множественные проверки на различные соответствия по пожарной безопасности и санитарным нормам. И если что не так, то площадка прикрывается».

Реакция чиновников в ответ на протест представителей Русской Православной Церкви против проведения концерта называется *«лишь отговорками»* и *«частью сознательной политики»*. Автор высказывает мнение, что такая политика властей осуществляется не без содействия агентов США, ЦРУ *«и других организаций»*, действующих на территории РФ, целью которых является духовное разложение русского населения и противодействие официальной политике российской государственной власти: *«Мне кажется, что в структуре нашей власти есть эта «пятая колонна», подвластная США. Это купленные люди, агенты влияния, которые проводят идеологию Америки. Они действуют против своего народа, против постановлений Владимира Путина и правительства»*. Автор называет таких людей *«либо явными врагами, либо равнодушными, которые не хотят принимать никаких усилий»*, *«пособниками врагов России»*, на что указывает также само название исследуемой статьи.

В интервью автор вспоминает участие в народном шествии 1 мая 2014 года *«колонны ЛГБТ»* – представителей движения за права сексуальных и гендерных меньшинств. Автор выступает с резкой критикой деятельности данного сообщества, которому, по его мнению, не оказывается противодействия со стороны государственных чиновников: *«Извращенцев*

официально выпустили на демонстрацию, где они кричали: «Да здравствует Украина! Долой Россию!» и прочие антиправительственные лозунги... Нельзя попустительствовать в этом деле, так как эти гомики уже кувыркаются на Марсовом поле под охраной ОМОНа».

Для исправления возникшей ситуации и предотвращения проведения концерта группы «Бегемот» автор считает необходимым обращение с официальным письмом непосредственно к губернатору Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко или даже к самому Президенту РФ В.В. Путину: *«Надо напрямую обращаться к губернатору Санкт-Петербурга Георгию Полтавченко, а может быть и в Кремль к Владимиру Путину с требованием запретить подобные концерты. Нельзя попустительствовать в этом деле... Нельзя допустить расширения тлетворного воздействия!»*. Алексей Мороз высказывает мнение, что если не противодействовать сложившимся обстоятельствам, то можно столкнуться с опасными последствиями. Он вновь сравнивает данную ситуацию с ситуацией в Украине: *«...тогда это примет массовый характер, погибнет наша молодежь. Возникнет революционная свора, которая затеяна на Украине»*.

В интервью автор высказывает также резкое осуждение поведения современной молодежи, считая, что в наши дни молодые люди во многом отошли от христианских идей и ценностей, в отличие от предыдущих периодов истории, и этому в значительной степени способствует разрешение проведения концертов таких музыкальных групп, как «Бегемот». Автор говорит: *«Наша молодежь весьма сильно зомбирована... Эти лица не интересуют религиозный и духовный предмет. Это свидетельствует о том, что наша молодежь обработана через манипуляционные СМИ, бесовские дискотеки и сатанинские рок-группы. Христианство, Святая Пасха уже их сердца не затрагивают. Это страшная ситуация, потому что русский перестает быть русским, а становится дрянью, а не человеком»*. Пренебрежительное, бранное слово «дрянь» в отношении каждого русского

человека также указывает на негативную установку автора в отношении поведения современной молодежи, подверженной, по мнению автора, внешнему влиянию СМИ – агентов США и сатанинских идей, воспеваемых некоторыми рок-группами.

В заключение интервью Алексей Мороз говорит, что описанная им ситуация ведет к гибели русского народа («...если сейчас будем позволять и дальше либералам, врагам из Штатов разрушать самосознание нашего русского человека, то наш народ прекратит свое существование») и еще раз высказывает необходимость «принципиально и строго выступать, обличать и требовать, чтобы подобные действия и концерты были запрещены». Одним из выходов он видит в увольнении «одного-двух» чиновников, что заставит служащих государственных ведомств «встрепенуться и ответственно относиться к своему делу».

Фрагмент 1.

«Сатанинская рок-группа «Бегемот» пропагандирует бесовские ценности. Эта антихристианская музыкальная группа проповедует идеи оккультизма, зла, разрушения, убийства и насилия! Подобное воздействие на умы молодых людей крайне сокрушительно! Ведь молодежь и так зомбирована через современные СМИ агрессией, установкой на беспорядочные половые связи. Присутствуя на таких концертах, молодежь оголяет свои души для воздействия падших духов! Часто такие молодые люди становятся бесноватыми и одержимыми...»

Анализ фрагмента.

«Сатанинская рок-группа «Бегемот» пропагандирует бесовские ценности». Атрибутированный объект сатанинская рок-группа «Бегемот» осуществляет пропаганду неких ценностей, которые автор оценивает как бесовские. Вскрывая пропозиции высказывания, получаем следующую информацию:

1. участники *рок-группы «Бегемот»* осуществляют распространение *неких ценностей*;
2. *рок-группа «Бегемот»* характеризуется говорящим, как имеющая отношение к антихристианскому культу почитателей Сатаны;
3. распространяемые *ценности* («значимые, важные личные и социально-культурные явления»), оцениваются автором высказывания как *бесовские*, т.е. имеющие отношения к злым духам.

Высказывание представляет собой выражение субъективного мнения говорящего и содержит оценки (*бесовские ценности*). Обладая экстралингвистическими сведениями об авторе суждения, можно сделать вывод о том, что атрибутивы *сатанинский* и *бесовской* используются как резко отрицательные характеристики.

«*Эта антихристианская музыкальная группа проповедует идеи оккультизма, зла, разрушения, убийства и насилия!*». Выделим основные части предложения:

вышеописанная музыкальная группа, характеризуемая как *антихристианская*, распространяет вероучение;

это вероучение содержит в себе информацию о скрытых природных силах, а также одобрительное отношение к *насилию, убийствам, разрушениям* и злу.

Высказывание содержит пропозицию мнения о том, что участники музыкальной группы распространяют деструктивный антихристианский культ, включающий в себя одобрение насилия и разрушения.

«*Подобное воздействие на умы молодых людей крайне сокрушительно!*» Выражение «*подобное воздействие*» является обобщением для информации, содержащейся в предыдущих предложениях (*пропаганда бесовских ценностей* и проповедование *идей зла, разрушения, убийства и насилия*). Высказывание содержит мнение о том, что описанная деятельность,

направленная на сознание молодых людей, имеет деструктивный характер. Мера интенсивности признака выражена наречием *крайне*.

«Ведь молодежь и так зомбирована через современные СМИ агрессией, установкой на беспорядочные половые связи». Высказывание содержит пропозицию мнения: некто *зомбирует* («заставляет слепо исполнять чужую волю») молодых людей, убеждая их быть агрессивными и вести беспорядочную половую жизнь. Воздействие осуществляется через современные средства массовой информации. Это утверждение связано с предыдущими причинно-следственной связью: влияние описанной в первых двух предложениях пропаганды на сознание молодежи имеет такую разрушительную силу (это утверждается в третьем предложении), потому что молодые люди и так находятся под пагубным воздействием, осуществляемым через СМИ.

«Присутствуя на таких концертах, молодежь оголяет свои души для воздействия падших духов!». Автор утверждает, что во время посещения выступлений музыкальных групп, подобных группе «Бегемот», молодые люди сознательно оказываются уязвимы для влияния *падших духов*. Понятие *падшие души* отсылает к нереферентному объекту, который говорящий отождествляет с некими опасными и вредными силами мистического свойства. При этом под угрозой находятся *души* молодых людей, т.е. их «внутренний и психический мир, сознание». Данное утверждение носит характер мнения, предикатный глагол содержит значение оценки.

«Часто такие молодые люди становятся бесноватыми и одержимыми...». В данном утверждении автор говорит о том, что некоторые молодые люди, становятся бесноватыми и одержимыми. Местоимение *такие* в роли анафорического элемента отсылает к информации, заключенной в предыдущих предложениях: *такие молодые люди* – те, кто посещает концерты рок-групп, подобных группе «Бегемот», и намеренно попадает под разрушительное влияние мистических злых сил. Это референтная группа,

члены которой могут занять позицию актанта данной пропозиции. Пропозиция имеет временную характеристику, указывающую на приблизительную частоту явления, выраженную наречием *часто*. Признаки, обозначенные словами *бесноватый* и *одержимый* требуют дополнительного толкования. Они имеют общий компонент значения – «безумный». В таком понимании утверждение сообщает о том, что некоторые молодые люди приобретают психические расстройства в результате посещения концертов блэк-метал групп. Однако оба прилагательных принадлежат к числу языковых средств, свойственных духовным, клерикальным текстам. В религиозном дискурсе они обозначают характеристику человека, чье тело и сознание находятся во власти злых сил, и это состояние сопровождается эксцентричным и неадекватным поведением. Тем не менее, несмотря на различные варианты интерпретации, данное утверждение является сообщением субъективного мнения: даже в случае, если речь идет о реальных психических заболеваниях отдельных лиц, причинно-следственная связь между посещением музыкального мероприятия и фактом ментального расстройства верификации не подлежит.

Высказывание имеет эмоциональную окраску: три из шести предложений являются восклицательными, еще одно заканчивается многоточием. В тексте встречается лексика, свойственная религиозным текстам. Когезию фрагмента обеспечивают анафорические элементы *такие, подобные* и подчинительный союз *ведь*. Когерентность основана на общем объекте действия (*молодежь, молодые люди*) и описании негативного последствий посещения концертов блэк-метал групп для его ментального состояния.

Выводы по фрагменту 1

В приведенном фрагменте выражено мнение автора интервью Алексея Мороза относительно деятельности польской музыкальной группы «Бегемот» и ее воздействия на сознание современной молодежи. Автор считает это

воздействие сильным и крайне отрицательным, приписывая его дьяволу. В данном фрагменте автор утверждает, что такие мероприятия, наряду с воздействием средств массовой информации способствуют распространению агрессии, насилия, а также идей сатанизма, оккультизма, зла и разрушения среди молодого населения России.

Фрагмент 2

«Как можно допустить выступление сатанинской группы, которое разрушает духовное здоровье народа, подготавливая возможный шабаш, который уже произошел на Украине?! Это предательство!».

Анализ фрагмента

«Как можно допустить выступление сатанинской группы, которое разрушает духовное здоровье народа, подготавливая возможный шабаш, который уже произошел на Украине?!». Высказывание является утверждением в форме риторического вопроса. Этот прием используется для того, чтобы придать сообщаемым сведениям признаки очевидности, общеизвестности: всем понятно, что нельзя допустить выступление сатанинской группы, которое разрушает духовное здоровье народа, подготавливая возможный шабаш, который уже произошел на Украине. Выделим структурные части предложения:

1. *Нельзя допустить выступление сатанинской группы;*

Говорящий высказывает свое мнение о том, что нельзя позволить состояться концерту рок-группы «Бегемот». Сама группа при этом характеризуется как *сатанинская*, т.е. имеющая отношение к религиозному антихристианскому течению, включающему в себя культ поклонения Сатане.

2. *Выступление разрушает духовное здоровье народа;*

Автор утверждает, что выступление группы «Бегемот» деструктивно воздействует на *духовное здоровье народа*. Под этим словосочетанием понимается некое нормальное состояние ментальных способностей всех представителей русской национальности.

3. *Выступление разрушает духовное здоровье народа посредством подготовки возможного шабаша;*

В этой части предложения утверждается, что выступление рок-группы «Бегемот» является мероприятием в рамках подготовки события, обозначенного существительным *шабаш* («тайное сборище или праздник нечистой силы»). Этому событию приписывается признак *возможный*, т.е. гипотетически осуществимый. В данном случае говорящий указывает на вероятностный характер события, неуверенность в том, что оно состоится.

4. *Шабаш уже произошел на Украине.*

Автор сообщает, что событие, описанное как *шабаш*, уже состоялось на территории Украины. Возможно, речь идет о государственном перевороте 2014 года, получившем название Майдан по названию площади, занятой революционно настроенными гражданами Украины. В таком случае в высказывании содержится метафорическое сопоставление антиправительственных гражданских выступлений с праздником злых духов.

Таким образом, общий смысл высказывания сводится к следующему: нельзя допустить проведение концерта рок-группы «Бегемот» по причине того, что это мероприятие негативно скажется на ментальном состоянии людей русской национальности. Это пагубное влияние заключается в том, что концерт может являться подготовительным этапом для революционных выступлений, подобных тем, что произошли в Украине в 2014 году. Фрагмент содержит мнение автора о невозможности допустить проведение концерта и обоснование этого мнения. Следующее предложение «*Это предательство!*» негативно характеризует поведение чиновников, которые отказались вынести запрет на проведение мероприятия. Субстантив *предательство* обозначает «нарушение обещания, неисполнение долга», т.е. деятельность чиновников оценивается говорящим как вероломный, нечестный поступок и неисполнение обязательств по отношению к народу.

Выводы по фрагменту 3

В приведенном фрагменте выражено негативное отношение автора к отдельным представителям государственных структур, не желающих предпринимать какие-либо меры для предотвращения проведения концертов музыкальных групп, пропагандирующих идеи сатанизма, таких как польская группа «Бегемот». Автор приравнивает такое бездействие чиновников к вражеским действиям, пособничеству врагам России. В целом высказывание имеет характер мнения.

Фрагмент 4

«Нужно принципиально и строго выступить, обличить и требовать, чтобы подобные действия и концерты были запрещены. Нужно объяснять, что они не допустимы! Нужно призывать власть к выполнению своих обязательств, а если государство не хочет противостоять злу, то тогда надо менять этих чиновников».

Анализ фрагмента

Данное высказывание имеет характер волеизъявления. Призывы выражены модальными словами *нужно* и *надо*. В первом предложении автор призывает читателя к трем действиям: 1) *выступить* («публично высказываться, выдвигать требования»). Необходимому для выполнения действию приписаны характеристики, выраженные наречиями *принципиально* и *строго*; 2) *обличить* («сурово порицать, разоблачать, вскрывая что-н. неблаговидное, вредное, преступное»); 3) *требовать*. Последний предикат распространяется придаточным изъяснительным предложением, поясняющим содержание требований «...*чтобы подобные действия и концерты были запрещены*». В следующем предложении «*Нужно объяснять, что они не допустимы!*» автор призывает «рассказывать понятным языком» о том, что *они* (местоимение отсылает к содержанию предыдущего предложения и обозначает в данном случае *действия и концерты*) непозволительны. Третье предложение содержит несколько пропозиций:

1. *нужно призывать власть к выполнению своих обязательств;*
2. *если государство не хочет противостоять злу, то тогда надо менять этих чиновников.*

Чиновники в данном случае выступают представителями *власти и государства*, и в их обязанности, с точки зрения автора, входит борьба со *злом*. Зная контекст, мы можем соотнести это существительное с фактом выступления блэк-метал группы «Бегемот», которое для автора является проявлением *зла*. При условии, если представители власти не хотят *противостоять злу*, т.е. запретить концерт, автор призывает *менять этих чиновников* – добиваться их увольнения и назначения на должности других людей.

Выводы по фрагменту 4

В приведенном фрагменте автор обращается с призывом о принятии необходимых мер для предотвращения проведения на территории России концертов музыкальных групп, пропагандирующих идеи сатанизма. Автор призывает пропагандировать недопустимость подобных концертов с целью донести эту мысль до Правительства РФ и тем самым добиться мер по предотвращению организации подобных мероприятий. Автор считает действенной мерой увольнение отдельных чиновников, которые бездействуют в отношении данной проблемы.

Общие выводы исследования

Представленные на исследование материалы содержат текст интервью с иереем Алексием Морозом, который комментирует отказ Комитета по культуре Санкт-Петербурга принять меры для отмены предстоящего 10 мая 2014 года концерта польской группы «Бегемот» в клубе «Зал ожидания». Автор выражает свое недовольство творчеством и идеями участников группы, их влиянием на современную молодежь, а также деятельностью некоторых служащих государственных учреждений.

Целевая установка материалов – пропаганда невозможности организации подобных концертов на территории Российской Федерации и борьбы против их проведения; осуждение деятельности групп людей, распространяющих идеи сатанизма, зла, насилия и агрессии; предостережение от воздействия таких идей на психику молодых людей в России.

Для реализации этой целевой установки решаются следующие **коммуникативные задачи:**

1) резко негативная оценка деятельности польской музыкальной группы «Бегемот», пропагандирующей идеи сатанизма;

2) призыв к борьбе против организации и проведения на территории России концертов данной и подобных ей музыкальных групп;

3) негативная оценка бездействия некоторых представителей государственной власти в отношении отмены предстоящего концерта;

4) привлечение в качестве подтверждения своих высказываний политической ситуации в Украине, попытка убеждения слушателей в том, что продолжение выступлений музыкальных групп с сатанинской идеологией в России может негативно повлиять на психику людей привести к таким же беспорядкам, какие происходят сейчас на территории Украины;

5) негативная оценка поведения и отношения к религии современной молодежи, которая, по мнению автора, в последнее время значительно отделилась от христианских идей и ценностей.

В интервью автор, который является православным священнослужителем, резко осуждает деятельность людей, распространяющих идеи сатанизма – идеологии, возникшей как протест против христианской религии. Конфликтность исследованных материалов может быть объяснена конфликтностью самой темы, затронутой в тексте представленного на исследование интервью Алексея Мороза, так как она связана с обсуждением острых религиозных вопросов и способна вызвать

противоречивые комментарии аудитории, к которой направлены высказывания автора.

3.3 Анализ текста, содержащего оценки лиц по признаку принадлежности к социальной группе

Содержание исследования

Материалы: распечатки материалов страницы в сети Интернет, содержащие изображения и тексты высказываний участников виртуального общения.

В верхней части первой страницы содержится изображение салюта в ночном небе с надписью: «*ПОБИТЬ ВЕТЕРАНА АХУЕННО*». Далее следуют комментарии участников виртуального общения на размещённое изображение:

На второй странице зафиксирован следующий текст:

Семён Ражев «Ставим лайсы и вытираны сдохнут:3». Под текстом размещено изображение свастики в светлом кругу на темном прямоугольнике.

На третьей странице имеется следующий текст:

Алексей Буланов «Я поддерживаю политические взгляды Гитлера, но те кто за меня жизнь отдал я благодарен очень!!! И ветераны это нихуя не биомусор, а память.. Не понимаю что они вам сделали.. И если вы твари говорите что Россия говно, то хули вы на русском пиздите?! А!? Добоёбы вы.. Я не буду как другие «дедовоеватели» я просто говорю что нашу гордость и историю нужно помнить и уважать их, а если ты не знаешь и не уважаешь, то ты не знаешь себя и не уважаешь себя. А про ягу.. Яга херня не вкусная и противная. Да и вообще алкоголь хуйня».

Высказывание «*ПОБИТЬ ВЕТЕРАНА АХУЕННО*» представляет собой выражение мнения, содержащего оценку. Объектом действия обозначен

существительным *ветеран*, обозначающим участников Великой Отечественной Войны. Пропозиция описывает ситуацию, где действие, выраженное глаголом *побить* («осуществлять физическое насилие»), направлено на объект, обозначаемый словом *ветеран* («участник Великой Отечественной Войны»). Автор высказывания оценивает ее как «отличную, прекрасную, потрясающую». Оценка выражена языковой единицей, относящейся к обценной лексике. Таким образом, можно сказать, что автор выражает одобрительную оценку жестоким действиям по отношению к лицу по признаку его принадлежности к социальной группе «участники Великой Отечественной Войны».

В сообщениях изобилует сниженная и обценная лексика. В текстах используются унижительные именованья ветеранов: *вытираны*, *биомусор*. Надпись на изображении салюта «*ЛОБИТЬ ВЕТЕРАНА АХУЕННО*», а также изображение нацистской символики (свастики) с призывом «*Ставим лайсы* (т.е. выразим одобрение фашизму) *и вытираны сдохнут*» направлены на пропаганду враждебного отношения ко всем ветеранам и унижение их достоинства.

Общие выводы исследования

Целевая установка – одобрение враждебного отношения к ветеранам Великой Отечественной войны и агитация к осуществлению агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной принадлежностью.

Коммуникативная задача, реализующая эту целевую установку, состоит в унижении достоинства людей, принадлежащих к социальной группе ветеранов Великой Отечественной войны.

3.4 Анализ текста, содержащего признаки порочащей информации

Содержание исследования

Материалы: распечатка статьи «Выборгский район: Побег из курятника» на 4 листах, опубликованной 29.01.2014 года на сайте интернет-издания «ЗакС.ру».

Статья посвящена анализу взаимоотношений между представителями администрации Выборгского района и другим муниципальными чиновниками и представителями органов власти г. Санкт-Петербурга. Статья включена в цикл материалов, в которых анализируется политическая ситуация в петербургских муниципалитетах в преддверии избирательной кампании.

Фрагмент 1

«Поговаривают, что чуть ли не первым шагом, который Гарнец сделал на новом посту, было перераспределение средств депутатской поправки Анденко.

То есть Аденко (возможно, вместе с Захаренковой) якобы получили поправку в размере 40 миллионов рублей. И направили ее в администрацию района. Администрация должна была провести конкурсы, на победу в которых претендовали компании, знакомые парламентариям. Все это должно было быть основано на устных договоренностях.

Но Гарнец, поскольку лично с ним никто ни о чем не договаривался, взял и все поменял. В итоге на конкурсах победили совсем не те фирмы, которые могли бы, и 40 миллионов оказались потеряны. Эта история лучше всего иллюстрирует, какими были и какими стали отношения Сергея Анденко с районной администрацией».

Анализ фрагмента

В приведенном фрагменте автор сообщает сведения о расходовании бюджетных средств, выделяемых депутатам для финансирования тех муниципалитетов, которые соответствующие депутаты представляют в законодательном органе (*средства депутатской поправки*). Анализируемый фрагмент начинается с сообщения информации, которая носит

предположительный характер – *«Поговаривают, что чуть ли не первым шагом, который Гарнец сделал на новом посту, было перераспределение средств депутатской поправки Анденко»*. Предложение содержит маркеры фактоида: *поговаривают, чуть ли не*. С их помощью автор заявляет о том, что сообщаемые сведения получены им не от первоисточника, а повествование имеет характер пересказа услышанного. Далее в тексте, также в предположительной форме, говорится о получении депутатами Анденко С.А. и Захаренковой Т.Я. права на распоряжение бюджетными средствами в размере 40 миллионов рублей: *«То есть Анденко (возможно, вместе с Захаренковой) якобы получили поправку в размере 40 миллионов рублей»*. После этого автор сообщает, что существовали *устные договоренности* прежнего руководства района и депутатов об организации конкурсов на распределение указанных денежных средств, по результатам которых победить должны были *компании, знакомые парламентариям*. Однако новый руководитель района (Гарнец), не имея каких-либо договоренностей с депутатами, провел конкурсы таким образом, что *40 миллионов оказались потеряны*.

В анализируемом текстовом фрагменте имеются высказывания, содержащие сведения в форме предположений о фактах:

- 1) выделения депутатам Анденко С.А. и Захаренковой Т.Я. целевых бюджетных денежных средств в размере 40 миллионов рублей,
- 2) наличия договоренности депутатов Анденко С.А. и Захаренковой Т.Я. с прежним руководством района о проведении конкурсов в целях выплаты этих денежных средств в пользу связанных с депутатами компаний,
- 3) проведения новым руководителем района (Гарнецем) конкурсов, в результате которых денежные средства были выплачены компаниям, не связанным с депутатами.

Приведенная в текстовом фрагменте информация используется автором статьи для обоснования мнения о существенном ухудшении отношений Анденко С.А. с представителями администрации района.

Фрагмент 2

«...нынешний руководитель фракции ЕР Сергей Анденко, его супруга Татьяна Захаренкова...»

Анализ фрагмента

В тексте приведенный фрагмент используется следующим образом:

«В отличие от других районов, этот богат на представителей в региональном парламенте. По спискам «Единой России» в ЗакС отсюда были избраны нынешний руководитель фракции ЕР Сергей Анденко, его супруга Татьяна Захаренкова, депутат Евгений Марченко (последний смог получить депутатский мандат только осенью 2013 года). Самым влиятельным из них считается Сергей Анденко»

В приведенном фрагменте содержится высказывание, в котором *Татьяна Захаренкова* называется в качестве супруги *Сергея Анденко*. Данное высказывание можно квалифицировать как содержащее утверждение о факте наличия супружеских (брачных) отношений между Анденко С.А. и Захаренковой Т.Я.

Общие выводы исследования

В тексте статьи содержится информация о муниципальных чиновниках г. Санкт-Петербурга и их деятельности. **Целевая установка текста:** выражение авторского мнения по поводу политической ситуации в городских администрациях накануне выборов. Свою точку зрения автор подтверждает различными сведениями, носящими характер утверждения о фактах и мнениях.

3.5 Анализ текста, содержащего признаки сведений клеветнического характера

Содержание исследования

Материалы:

1) Статья «Солнышкина Нелли Евгеньевна – Печать зверя...». Материал опубликован 10 февраля 2015 года на сайте информационного ресурса «окнк.рф»

В тексте содержится информация о представителях органов прокуратуры в связи с проводимой проверкой по фактам, изложенным в заявлении жителей Адмиралтейского района, и касающимся деятельности Скуркиса А.В. В тексте статьи начальник Управления Генеральной прокуратуры РФ в Северо-Западном федеральном округе Солнышкина Нелли Евгеньевна обвиняется в совершении *«преступлений фашистской клеветнической направленности»*. Как следует из содержания материала, 19 сентября 2013 года Солнышкина Н.Е. отправила на имя руководителя прокуратуры Санкт-Петербурга поддельное письмо, в котором содержались клеветнические оскорбительные сведения *«в извращенной форме, с нацистскими антисемитскими выпадами»*. В подтверждение указанных сведений в статье приводятся фотокопии официальных документов (сопроводительное письмо, иная переписка между государственными органами). Кроме этого, в статье сообщается, что 10 февраля 2015 года Скуркис А.В. был вызван в прокуратуру Санкт-Петербурга и был опрошен сотрудником прокуратуры Корзенковым О.И. в рамках рассмотрения заявления жителей Адмиралтейского района.

Фрагмент 1

«Начальник Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, государственный советник юстиции 2 класса, Солнышкина Нелли Евгеньевна, в очередной раз

документально и официально признана преступником. Она совершает преступления фашистской клеветнической направленности в отношении умершего ветерана Великой Отечественной войны, деда Скуркиса Александра, литовца по национальности – Юозаса, почетного адвоката России, ветерана, отца Скуркиса Александра – Скуркиса Виктора Иосифовича и самого Александра Скуркиса. С целью совершения преступлений 19 сентября 2013 года Солнышкина Н.Е. направила на имя и.о. прокурора Санкт-Петербурга Резонова И.Г. клеветническое оскорбительное письмо от имени депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга от КПРФ (вице-президента ПАНИ) Воронцова А.В., подделав на нем его подпись. Более того, эти клеветнические оскорбительные сведения были размещены Солнышкиной Н.Е. в сети Интернет в извращенной форме с нацистскими антисемитскими выпадами, элементами порнографии, что вызвало и вызывает шок у всех нормальных цивилизованных людей».

Анализ фрагмента

«Начальник Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, государственный советник юстиции 2 класса, Солнышкина Нелли Евгеньевна» – фактическая часть высказывания представляет собой идентификацию объекта пропозиции: называются личные данные и должность лица. При этом адресат сообщения должен раскрыть бытийную пресуппозицию сообщения и допустить, что указанное лицо существует на самом деле. Далее следует информация: *в очередной раз документально и официально признана преступником*». Автор утверждает, что некто признал Н. Е. Солнышкину виновной в совершении противоправных действий. Предикатный признак, выраженный глаголом *признать* («согласиться считать законным, существующим, действительным»), имеет характеристики *в очередной раз, документально, официально*. Наречие *документально* образовано от прилагательного «документальный», которое имеет два значения: 1.

основанный или подтвержденный документами; 2. отображающий подлинные факты и события. Такая характеристика может маркировать сообщение о факте, однако в таком случае требуется верифицируемое обоснование или подтверждение (указание на документ или другие аргументы). Признак *официально* имеет значение «исходящий от правительственных органов или должностных лиц», т.е. накладывает семантическое ограничение на качества актанта, совершающего действие с указанной характеристикой. Поскольку в данном случае актант опущен и остается неизвестным, информация о признании Н. Е. Солнышкиной преступником имеет характер мнения, несмотря на использование говорящим характеристик, маркирующих сообщения о фактах. Предложение в целом имеет структуру фактоида.

«Она совершает преступления фашистской клеветнической направленности в отношении умершего ветерана Великой Отечественной войны, деда Скуркиса Александра, литовца по национальности – Юозаса, почетного адвоката России, ветерана, отца Скуркиса Александра – Скуркиса Виктора Иосифовича и самого Александра Скуркиса». Предложение содержит сведения, выраженные в форме утверждения о факте: *«Она совершает преступления <...> в отношении умершего ветерана, деда Скуркиса Александра, литовца по национальности – Юозаса, почетного адвоката России, ветерана, отца Скуркиса Александра – Скуркиса Виктора Иосифовича и самого Александра Скуркиса.* Выделим структурные части утверждения:

1. *она совершает преступления;*

В этой части предложения утверждается связь между актантом, выраженным местоимением *она* и отсылающим к объекту *Нелли Евгеньевна Солнышкина* из предыдущего предложения, и предикатным признаком со значением «осуществлять противоправную деятельность».

2. *преступления совершаются в отношении умершего ветерана Великой Отечественной войны, деда Скуркиса Александра, литовца по национальности – Юозаса;*

Объект действия обозначен именем собственным *Юозас* и имеет качественные свойства: *умерший, ветеран Великой Отечественной войны, литовец, дед Александра Скуркиса*. Говорящий сообщает личные данные партиципанта (национальность), сведения о его участии в Великой Отечественной Войне, а также о том, что его нет в живых, и он приходился дедом уже известному читателю лицу.

3. *преступления совершаются в отношении почетного адвоката России, ветерана, отца Скуркиса Александра – Скуркиса Виктора Иосифовича;*

Объект действия обозначен именем собственным *Скуркис Виктор Иосифович*. Автор приписывает ему признаки фактического характера: *почетный адвокат России, ветеран, отец Александра Скуркиса*.

4. *преступления совершаются в отношении самого Александра Скуркиса.*

Объект действия обозначен именем собственным *Александр Суркис*.

Предикативному признаку *преступления* приписаны характеристики *фашистской и клеветнической направленности*, т.е. упомянутые правонарушения связаны с распространением информации, содержащей пропаганду фашистской идеологии и заведомо ложные сведения о лицах, выступающих в качестве объекта действия. Таким образом, предложение содержит пропозицию факта, предикатный признак которого имеет оценочные характеристики.

«С целью совершения преступлений 19 сентября 2013 года Солнышкина Н.Е. направила на имя и.о. прокурора Санкт-Петербурга Резонова И.Г. клеветническое оскорбительное письмо от имени депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга от КППФ (вице-президента

ПАНИ) *Воронцова А.В., подделав на нем его подпись*». Предложение содержит утверждение о фактах: *«19 сентября 2013 года Солнышкина Н.Е. направила на имя и.о. прокурора Санкт-Петербурга Резонова И.Г. <...> письмо от имени депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга от КПРФ (вице-президента ПАНИ) Воронцова А.В.»*. Пропозиция предложения имеет следующий вид: 19 сентября 2013 года Солнышкина Н. Е. направила Резонову И. Г. письмо от имени Воронцова А. В. Предикативный признак, выраженный глаголом *направить*, имеет фактические временные характеристики: *19 сентября 2013 года*. Имена участников сопровождаются характеристиками, указывающими на должность: *и.о. прокурора Санкт-Петербурга Резонов И.Г., депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга от КПРФ (вице-президента ПАНИ) Воронцов А.В.* Автор утверждает, что письмо было направлено Солнышкиной Н. Е., однако отправителем письма значится Резонов И. Г. Эти сведения подтверждены доказательствами в виде фотокопий писем, что позволяет отнести информацию к разряду утверждений о факте. Само письмо оценивается говорящим как *оскорбительное* и *клеветническое*, т.е. содержащее ложные сведения, унижающие честь и достоинства личности, выраженные в неприличной форме. Автор заявляет, что целью поступка Солнышкиной И. Е. явилось намерение совершить правонарушение. Также в тексте содержится утверждение о том, что Солнышкина Н. Е. поставила в письме фальшивую подпись Воронцова А. В. с целью обмана. Эта информация представляет собой предположения говорящего, следовательно, носит характер мнения.

«Более того, эти клеветнические оскорбительные сведения были размещены Солнышкиной Н.Е. в сети Интернет в извращенной форме с нацистскими антисемитскими выпадами, элементами порнографии, что вызвало и вызывает шок у всех нормальных цивилизованных людей». Пропозиция предложения содержит информацию о том, что Солнышкина Н.

Е. разместила в сети Интернет некие сведения. Это фактическая информация, которую можно подтвердить или опровергнуть. Автор приписывает этим сведениям такие качества, как *извращенная форма*, наличие *нацистских и антисемитских выпадов* и *элементов порнографии*. Т.е. информация, опубликованная в сети Солнышкиной Н. Е., содержит пропаганду ненавистного отношения к евреям и идей нацизма, имеет форму, отличную от первоначальной, и содержит элементы порнографии. Автор утверждает, что каждый человек, обладающий качествами *нормальный* («обычный, соответствующий норме») и *цивилизованный* («культурный, просвещенный») испытывал и испытывает эмоциональное потрясение от знакомства с описанными материалами. Эти суждения содержат оценочные характеристики и являются выражением мнения автора текста.

Выводы по фрагментам

В приведенных фрагментах содержатся сведения о неправомерной деятельности представителей органов власти. В частности, сотрудник прокуратуры Солнышкина Н.Е. обвиняется в совершении преступлений «фашистской клеветнической направленности» в отношении Скуркиса (Юозаса) А. (ветерана Великой Отечественной войны), Скуркиса В.И. (почетного адвоката России, ветерана), Скуркиса А.В. (общественного обозревателя). В тексте сообщается, что клеветнические оскорбительные сведения об этих лицах были размещены в сети Интернет в извращенной форме с нацистскими антисемитскими выпадами.

Общие выводы исследования

Целевая установка представленных на исследование материалов, размещенных на информационном ресурсе «окнк.рф» - информирование о деятельности общественного обозревателя Скуркиса А.В., связанной с изобличением представителей органов власти в совершении правонарушений.

Для реализации этой установки решаются следующие **коммуникативные задачи:**

описание обстоятельств появления поддельного письменного обращения в органы прокуратуры, содержащего негативную оценку деятельности Скуркиса А.В.;

обвинение сотрудника прокуратуры Солнышкиной Н.Е. в совершении преступлений «фашистской клеветнической направленности».

3.6 Анализ текста, содержащего оценку лица в форме оскорбления

Содержание исследования

Материалы: стенограмма аудиозаписи одного из этапов судебного процесса. Общая продолжительность аудиозаписи – 32 минуты 15 секунд. Продолжительность выделенного для исследования фрагмента – 114 секунд.

(19:12) Судья: По квалификации и наказанию согласны?

Никитин: Согласен.

Адвокат: Илья Александрович, а вы-то будете участвовать в прениях

Никитин: Как я могу участвовать, если я даже ходатайства не смог подать? Меня лишили этой возможности реально. Как я могу участвовать в прениях? Я вообще не понимаю, где я нахожусь!

Адвокат: Вам, может, перерыв надо для прений, для подготовки? Вы будете участвовать в прениях?

Никитин: Да я ходатайства даже не подал, Евгения Анатольевна! Вот этих гондонов я вообще не понимаю! Откуда он вообще вот это пишет всё? Там в материалах дела всё доказано, всё написано. Чёрным по белому. Я не понимаю, что здесь творится-то вообще! Хотите засудить? Я вам ещё тогда сказал: уведите меня отсюда и судите без меня, судите, как хотите. Я не хочу эту клоунату тут рассматривать. Какие свидетели? У вас даже свидетелей нету.

(Судья – секретарю: замечание на протокол.)

Никитин: Даже с их слов - они живут в Карелии и на Украине, а вы посылаете повестки в какую то Сиверскую, блядь!

Судья – секретарю: Замечание на протокол за нецензурное выражение.

Никитин: Нецензурное? Вы себе замечаний сделайте. Я вообще не понимаю, что вы здесь делаете.

Судья: Никитин, помолчите пожалуйста.

Никитин: Уведите меня вообще отсюда! Помолчите? Чего вы здесь клоуна-то, на хуй, из меня делаете-то, блядь!

Конвой – Никитину: Слышь, хорош материться.

Судья: Ещё раз замечание за нецензурную реплику.

Никитин: Лишаете меня моих прав уже внаглую, вообще - внаглую!

Судья: Ещё одно замечание за высказывание нецензурное в адрес суда. Вы будете участвовать в прениях?

Никитин: Замечание потом будете высказывать, и не мне.

Судья: Ещё одно замечание. Будете участвовать в прениях, Никитин? ...

Никитин! ... Ну, судя по молчанию, - нет. Защита, слушаю. (21:06)

Последовательность исследовательских процедур

В ходе исследования были выявлены фрагменты текста, содержащие бранные слова. Затем был проведен анализ отмеченных фрагментов на наличие в них языковых смыслоразличительных признаков, присущих текстам, передающим крайне негативное (оценочное) отношение к личности адресата высказывания. Высказывания с отмеченными признаками характеризовались с точки зрения их целевой установки, их функциональной задачи. Анализ коммуникативной цели и целевого потенциала высказываний является необходимым компонентом исследования, поскольку тексты, содержащие бранную лексику, часто не содержат оскорблений как целевой установки говорящего.

Фрагмент 1

«Никитин: Да я ходатайства даже не подал, Евгения Анатольевна! Вот этих гондонов я вообще не понимаю! Откуда он вообще вот это пишет всё?»

Анализ фрагмента

Бранное слово используется Никитиным в разговоре со своим адвокатом в качестве личной оценки действий третьего человека. Слово *гондон* употреблено в данном контексте как бранное слово по отношению к лицу мужского пола. Слово содержит оскорбительную грубую оценку того, о ком говорит Никитин. Коммуникативной задачей высказывания является привлечение внимания адвоката к результатам действий человека, участвующего в судебном заседании. Логико-смысловая структура высказывания содержит перенос эмоциональной оценки с результата действия на лицо, совершающее это действие (по связи между деятелем и действием: если я осуждаю результат действия, то сам деятель плохой). Слово *гондон* в рассматриваемом значении находится на дальней периферии литературного языка. Его негативный оценочный потенциал не позволяет использовать его в рамках официальных, административно-правовых стилей речевого взаимодействия. Однако наличие целевой установки на нанесение личного оскорбления в высказывании Никитина не усматривается.

Фрагмент 2

«Никитин: Даже с их слов - они живут в Карелии и на Украине, а вы посылаете повестки в какую-то Сиверскую, блядь!»

Анализ фрагмента

Бранное слово используется Никитиным в разговоре с судьей. Слово *блядь* употреблено в данном контексте как междометная частица и выражает личную оценку Никитиным ситуации отсутствия свидетелей. Коммуникативной задачей высказывания является привлечение внимания судьи к сложившейся ситуации несоответствия адреса истинного (по его мнению) местожительства свидетелей и адреса, по которому им

направляются повестки. Логико-смысловая структура высказывания содержит эмоциональный акцент автора высказывания: я подчеркиваю свое резко негативное отношение к факту отправки повесток свидетелям в Сиверскую. Слово «блядь» в рассматриваемом значении находится за пределами литературного языка. Содержащийся в данном слове негативный оценочно-характеризующий потенциал запрещает его использование в условиях официального, административно-правового стиля речевого взаимодействия. Однако наличие целевой установки на нанесение личного оскорбления в высказывании Никитина не усматривается.

Фрагмент 3

«Никитин: Чего вы здесь клоуна-то, на хуй, из меня делаете-то, блядь!»

Анализ фрагмента

Бранные слова *хуй* и *блядь* используются Никитиным в разговоре с судьей. Оба слова используются как междометные частицы, подчеркивающие личную оценку Никитина собственной роли в судебном процессе. Коммуникативной задачей высказывания является привлечение внимания судьи к отсутствию возможности (по его мнению) подать письменное ходатайство и, тем самым, участвовать в прениях. Логико-смысловая структура высказывания содержит эмоциональный акцент автора высказывания: я подчеркиваю свое резко негативное отношение к факту своей неспособности участвовать в прениях. Слова *хуй* и *блядь* в рассматриваемых значениях находятся за пределами литературного языка. Содержащийся в этих словах негативный оценочный потенциал запрещает их использование в условиях официального, административно-правового стиля речевого взаимодействия. Вместе с тем целевой установки на нанесение личного оскорбления в высказывании Никитина не усматривается.

Фрагмент 4

«Никитин: Лишаете меня моих прав уже внаглую, вообще - внаглую!»

Анализ фрагмента

Слово *внаглую* является оценочно-квалифицирующим наречием образа действия. Оно используется Никитиным в разговоре с судьей. Слово имеет значение грубой, резко негативной оценки действия. Коммуникативной задачей высказывания является выражение личной негативной оценки действий судьи, которые (по его мнению) приводят к невозможности Никитина участвовать в прениях сторон. Логико-смысловая структура высказывания содержит эмоциональную резко негативную оценку действий судьи. Слово «внаглую» находится на периферии литературного языка. Стилистический потенциал слова не позволяет использовать его в рамках официальных, административно-правовых стилей речевого взаимодействия. Однако целевой установки на нанесение личного оскорбления в высказывании Никитина не усматривается.

Данная глава диссертации посвящена практической части исследования. В ходе работы было изучено 467 текстов, предоставленных Центром экспертиз СПбГУ. В результате тематической классификации были выделены следующие группы: 1) тексты, содержащие оценки лиц по признаку национальности; 2) тексты, содержащие оценки лиц по признаку отношения к религии; 3) тексты, содержащие оценки лиц по признаку принадлежности к социальной группе; 4) тексты, содержащие признаки порочащей информации; 5) тексты, содержащие признаки сведений клеветнического характера; 6) тексты, содержащие оценку лица в форме оскорбления; 7) тексты документов, содержащие смысловую неоднозначность.

Из шести первых групп было выбрано по одному тексту для проведения анализа с целью установления коммуникативных задач и целевых

установок. На примере фрагментов текстов был продемонстрирован описанный в теоретической части работы подход к прикладному лингвистическому исследованию текста, включающий в себя лексико-семантический, функционально-семантический и коммуникативно-риторический анализ высказывания. На основании его результатов сделаны выводы о прагматических характеристиках текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы были выполнены поставленные задачи, рассмотрена структура прагматического содержания текста, выделены единицы коммуникативно-риторического анализа: пропозиции, композитные высказывания, понятийно-риторические структуры. В работе описан метод анализа содержательной стороны и внутренних связей в понятийно-риторических структурах. Во второй главе выделены и подробно рассмотрены функционально-понятийные виды пропозиций, составляющих высказывание, приведены и проанализированы примеры высказываний, содержащих факты, мнения, оценки, волеизъявления. Практическая часть диссертации содержит общее описание изученного материала и результаты работы по классификации текстов. Далее был проведен анализ выбранных текстов с применением предложенной методики, для каждого текста установлены коммуникативные задачи и цели. В работе представлены фрагменты изученных текстов и подробное описание проведенного анализа каждого высказывания.

По результатам проведенной работы можно сделать вывод о том, что пропозиции являются важными вспомогательными единицами для изучения прагматического содержания текста. Установив смысловое содержание и связи между элементами пропозиций, можно отнести пропозицию к одному из функционально-понятийных типов: факт, мнение, оценка, волеизъявление. Использование приемов синтеза пропозиционных единиц позволяет увидеть понятийно-риторические структуры текста, определить их внутренние смысловые связи и коммуникативную направленность.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что изложенные в ней результаты могут быть использованы в прикладных исследованиях

коммуникативно-риторической структуры текстов, в т.ч. в области судебной лингвистической экспертизы

Список использованных источников и литературы.

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М: Наука, 1976. – 383 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
4. Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2001.
5. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Лингвистические механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
6. Большой толковый словарь русского языка. // Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998 (и последующие годы издания). Электронная версия: портал gramota.ru.
7. Бринев К.И. О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах "сведение/мнение", "утверждение/предположение", "оценка/факт": Язык как феномен правовой коммуникации // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Межвузовский сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 138-154.

8. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. – 252 с.

9. Бринев К.И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий сведение и мнение, оценка, факт) // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 194-211.

10. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Изд-во МГУП "Мир книги", 1998. – 210 с.

11. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

13. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. — М., 2006. – 96 с.

14. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. — М., Галерея, 2002. – С. 257-265.

15. Голованова А.В. Анализ оценочной модальности при проведении лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – С. 185-196.

16. Дзялошинский И.М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М., 2007.

17. Доронина С.В. Сведение и мнение: проблемы экспертной оценки переносных и экспрессивных значений // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 266-275.
18. Дубровский Д.В., Карпенко О.В., и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. – 72 с.
19. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
20. Земская Ю.Н. и др. Теория текста. Изд.2, перераб. и доп. – М.: 2012. – 224 с.
21. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
22. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 352 с.
23. Исламов Р.С. Лексическая амбивалентность естественного языка в среде машинного перевода (на материале английской официально-деловой документации). – Автореф. канд. дисс.: 10.02.19, Кемерово, 2014.
24. Иссерс О.С. Речевое воздействие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
25. Кожевникова Г.В. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. – М., 2006. – С. 95-105.
26. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. – М.: Наука, 2008, № 4 (12). – С. 100-106.
27. Кудряшов И.А. ИмPLICITные смыслы как лингвистическая основа разграничения факта и мнения в рамках независимых региональных

печатных СМИ: Язык как феномен правовой коммуникации // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Межвузовский сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 208-215.

28. Кузнецов С.А., Оленников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. Научно-практическое издание. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014. – 312 с.

29. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. — ФБУ рфцсэ при Минюсте России Москва, 2014. — С. 98.

30. Кусов Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике // Юрислингвистика -6. Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. С. 35-44.

31. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – М.: ВИНТИ, 1974. – Вып. 4. – С. 108-117.

32. Митренина О.В. Проблемы неоднозначности синтаксического анализа: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.21. – СПб, 2005. – 133 с.

33. Никитин М.В. Лингвистическая семантика. – 2-е издание, дополненное и исправленное. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 819 с.

34. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов / Под ред. Городецкого Б.Ю. – М.: Прогресс, 1986. – 423 с.

35. Оленников С.М. Принципы анализа коммуникативно-риторической структуры высказывания. Магист. диссерт. – СПбГУ, 2014. – 99 с.

36. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
37. Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. С. 201-264.
38. Петрова О. А. Сведения и мнения в оценочной метафоре // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 465-468.
39. Пригарина Н.К. Оценки как средство манипуляции в юридическом дискурсе // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. – С. 229-236.
40. Саржина О.В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс// Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 183-190.
41. Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 2-е испр. и доп. – М., 1989. 800 с.
42. Сорокин Ю. А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – С.186-194.
43. Стародумова Е.А. Синтаксис современного русского языка, Владивосток: Издательство Дальневост. ун-та, 2005. – 142 с.
44. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: Издательство РГГУ, 2001. – 798 с.

45. Фёдорова О.В., Янович И.С. Об одном типе синтаксической многозначности, или Кто стоял на балконе // «Диалог» МГУ. – М., 2004.
46. Чернова Д.А. Синтаксический анализ предложения в процессе восприятия речи: экспериментальное исследование обработки синтаксически неоднозначных конструкций в русском языке // Вестник Пермского университета / Российская и зарубежная филология. – № 1 (29). – Пермь, 2015. – С. 36-44.
47. Шабес В.Я. Событие и текст. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
48. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. – 43 с.
49. Юдина М. В. Понимание и порождение высказываний с синтаксической неоднозначностью (на примере относительных придаточных в русском языке) // Сборник трудов конференции «Диалог». М., 2006. С. 578–583.